

Заблудшая душа. Переселенец

Автор:

Григорий Шаргородский

Заблудшая душа. Переселенец

Григорий Константинович Шаргородский

Заблудшая душа #1

Новый мир, незнакомый и таинственный. Новое тело для погибшего на Земле человека и увлекательные приключения. Казалось бы, чего еще желать? Вот только пристанище для заблудшей души оказалось временным, а тот, кто организовал переселение, сделал это небескорыстно. Кем еще придется стать парню из российской глубинки: дворянином, пиратом, нелюдью-дари, генералом или даже императором? Это будет решать только могущественный кукловод, а «переселенцу» остается лишь надеяться, что из круговерти сплошных приключений все-таки есть выход.

Григорий Шаргородский

Заблудшая душа. Переселенец

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Удивительно мягкий, какой-то золотистый мрак рассеивал лишь слабый свет двух спиртовых ламп. И все же эти робкие огоньки заставляли стены подвала буквально сверкать.

Но ни свет ламп, ни даже удивительный цвет стен не интересовали распятого на деревянном щите человека. Его сейчас вообще мало что волновало, кроме боли. Кряжистый моряк оказался на удивление изобретательным малым, и все же Гатара Скользкого было трудно удивить подобными «изысками».

– Ну как, не появилось желание говорить? – с кривой ухмылкой осведомился палач и практически без паузы трижды ударил пленника в живот.

Боль вспыхнула подобно огненному ядру и расплескалась по всему телу мошенника, достигая головы и кончиков пальцев. Болевой порог был пройден уже давно, но Гатара сдерживала отнюдь не гордость, а страх – страх перед тем, кто намного изобретательнее и жестче палача-самоучки: перед Кривым Оклом.

Мучения пленника были неожиданно прерваны появлением нового персонажа этой трагической сцены. Дверь тихонько скрипнула, и в нее вошел седовласый мужчина в дорогом, черном с серебряными узорами камзоле. Сквозь муть в глазах Гатар все же сумел узнать ненавистного всем преступникам города графа Гвиери.

– Ну и как у нас дела? – осведомился граф, подходя ближе.

– Молчит, скотина, – сплевывая на пол, ответил невысокий, почти квадратный мужчина, выполнявший роль палача.

Впрочем, это занятие явно не было его основной профессией. Длинный, до середины бедра серый камзол без рукавов с узким стоячим воротником, короткие мягкие сапожки и конечно же пышные бакенбарды выдавали в нем кронайского моряка, который вряд ли опозорит род дельфина грязным занятием. Но у графа Гвиери и дворяне будут чистить конюшни, считая, что занимаются достойным делом.

– Плохо, очень плохо, – устало вздохнул граф, подходя вплотную к распятому пленнику. – Может, передумаешь? То, что тебя ждет дальше, намного хуже самой сильной боли и даже смерти.

В ответ мошенник хотел плюнуть в лицо графу, но догадливый кронаец резко ударил его в живот, и Гатар подавился собственным плевком.

– Ну что ж, придется пойти на крайние меры. – Граф еще раз вздохнул, и понятливый Карн тут же поставил позади него маленькую табуретку.

Гвиери грузно сел на жалобно скрипнувший предмет мебели. Когда-то граф мог похвастаться могучим телосложением и незаурядной ловкостью, но, увы, годы не пощадили бывшего победителя рыцарских турниров и любимца женщин. Его тело хотя и не заплывало жиром, но уже не обладало ни стройностью, ни силой. А почти вторые сутки без сна окончательно утомили уже далеко не молодого графа.

Непонятные события в городе накатывали, словно горная лавина, а он до сих пор не мог понять, что именно происходит. Станным образом в этих событиях были завязаны и верхи, и низы общества. Столица княжества гудела в предчувствии неких перемен, а интуиция старого воина вопила об опасности. Но если на поле боя, почувствовав неладное, ему достаточно было оглянуться вокруг, чтобы найти источник опасности, то здесь приходилось прикладывать титанические усилия, дабы уловить хоть тень угрозы.

Даже поимка Гатара Скользящего, которого осведомители называли важной фигурой в бродящем котле запутанной интриги, закончилась полным провалом – Гатар молчал.

Упрямство мошенника и острая нехватка времени подталкивали графа к использованию крайнего средства – магии. Граф не разбирался в магическом искусстве, так же как и большинство его современников: люди вынесли из своего темного прошлого страх перед магией, и теперь она была под строжайшим запретом. Но ситуация становилась безвыходной, к тому же у графа имелся подходящий специалист, и он все же решил рискнуть.

Профессор Урген, которого граф поймал на скупке запрещенных артефактов, но не послал на костер, а приберег для себя, предлагал невиданную вещь –

поселить в теле человека какой-то потусторонний дух, привязывая его к так называемому «камню душ».

Это давало несколько плюсов: духу некуда деваться из тела, кроме как обратно в камень, поэтому вызванной из темного мира сущности придется выполнять приказы. К тому же новому «жильцу» доставалось не только тело, но и память носителя, что позволит узнать, что же на самом деле происходит в городе.

И все же риск замараться грязью древней магии и никогда не отмыться от нее был чрезвычайно велик. И только где-то в глубине души он понимал, что поступает так не от безвыходности, а желая испытать запрещенное оружие в деле.

Граф устало растер ладонями лицо и решительно встал. «Выбора нет, и промедление смерти подобно».

Княгиня Лара, которая всегда очень внимательно относилась к советам старого друга ее отца, вдруг как-то охладела к Гвиери. А на последнем Большом Совете барон Немеш смотрел на графа с таким выражением на лице, словно точно знал день и час его смерти. «Он смотрел даже без ненависти, а с брезгливой жалостью!»

Сомнения графа были прерваны появлением красавицы Яны и плюгавенького профессора.

– Ваша, милость, я доставила этот диковинный гриб, как приказывали, – озорно улыбаясь, отрапортовала истинная дочь степей. Невысокая и смуглая, как все хтары, Яна обладала стройным телом и весьма соблазнительными формами, при этом была опасна как камышовая кошка и настолько же игрива.

Девушка не удержалась от очередного озорства – тесно прижалась своим изрядным, прикрытым лишь тонкой блузкой бюстом к спине профессора, а затем подтолкнула его в сторону графа. Как результат – пожилой ученый залился краской смущения и смог прийти в себя лишь через пару минут.

– Профессор, соберитесь, у нас мало времени, – устало сказал ученому граф и недовольно посмотрел на Яну.

Девушка потупила взор и даже слегка присела в книксене. Но граф был уверен, что под полуприкрытыми веками с длинными ресницами пляшут чертенята.

– Профессор!

– А? Что? – постарался собраться Урген, но наткнулся взглядом на распятого мошенника и опять впал в ступор, но в этот раз побледнев. Профессор, одетый в немного мешковатую «скуху» – просторный балахон с капюшоном, традиционный наряд как ученых, так и священников, – подслеповато сощурившись, смотрел на пленника. Его и без того бледное лицо стало похоже на желтую бумагу древних манускриптов, а длинный нос еще больше заострился.

Дело решил Карн. Он подошел вплотную и тихо произнес:

– Проф, если ты сейчас же не начнешь работать, то займешь его место.

Слова крепыша возымели моментальное действие, и Урген встрепенулся. Затем его мысли явно приняли научный характер, и до этого момента растерянный и испуганный человек преобразился.

Он резким движением пригладил длинные, немного слипшиеся от пота черные волосы, быстро присел на корточки и начал доставать из своей сумки баночки, иглы и другую малопонятную мелочь. Когда в руках профессора появилась угольная палочка, он встал, осмотрел золотисто-белый с красными разводами пол и решительно отодвинул Карна в сторону.

Кронаец хотел было возмутиться, но промолчал, увидев, как ученый сноровистыми движениями начал вычерчивать на полу сложную пентаграмму.

Глава 1

Мошенник

Тоненькие дощечки уже давно не пахли свежим деревом, хуже того – они издавали «непередаваемые» ароматы то ли сгнивших овощей, то ли какой-то рыбы. Впрочем, в этот момент меня волновали совсем не странные запахи, а тихие шаги за горой пустых ящиков. Казалось, сердце стучит намного громче этих шагов, и его было отчетливо слышно всем преследователям.

– Эй, пададь, вылазь! Все равно найдем! – прокаркал хриплый голос за ящиками.

Страх стал еще сильнее. Трясшиеся руки судорожно сжимали скользкую от пота рукоять пистолета, названия которого я так и не вспомнил.

Вы когда-нибудь мечтали оказаться в роли крутого британского суперагента? Я, честно говоря, не помню. Но при просмотре бесконечной шпионской киносаги подобные мысли наверняка проскальзывали. И вот сбылась мечта идиота! Но я-то мечтал о шикарных отелях и красивых женщинах, и в мечтах точно не было мрачного склада и старого пистолета в дрожащих руках.

Даже не знаю, заряжен ли он!

Любой «смотритель» боевиков и «игратель» в компьютерные стрелялки облил бы меня презрением за подобные мысли и поведение. Но не думаю, что подобный критик смог бы сохранить свой энтузиазм, оказавшись на моем месте.

Вся эта история отдавала бредом с самого начала. Мой старый друг и коллега еще по работе в торговой фирме, точно так же, как и я, оказавшийся за бортом по причине кризиса, предложил подработать грузчиками на каком-то складе. Стыдно, конечно, но иного выхода не было. Сам виноват – в молодости я не влезал в бандитские разборки, а в зрелом возрасте не занимался рискованным бизнесом, почему-то решив, что профессия честного менеджера сможет гарантировать безбедную жизнь и обеспеченную старость. Вот только желание сыто есть и спокойно работать в эпоху кризиса и совершенно обалдевших от безнаказанности работодателей должно сопровождаться профессиональными навыками в целовании одного места у «барина». Увы, тут оказалось мое «неправильное» воспитание – ну не нравится мне этот процесс! Как результат – увольнение и шанс поработать грузчиком.

В принципе я никогда не считал физический труд презренным и был готов вкалывать в поте лица, да только склад мы выбрали не тот.

На десятом ящике сильный, но слегка рассеянный Мишаня умудрился зацепиться ногой за какой-то кабель. Тело прошедшего ВДВ еще нестарого мужчины сумело избежать падения, чего не скажешь о ящике. Фанерная конструкция рухнула углом на бетонный пол и моментально развалилась, причем так «удачно», что припрятанные между мягкими игрушками солидные пакеты с чем-то белым разлетелись в разные стороны.

И хозяин склада, и крепкие ребята, приехавшие за товаром на вместительной «газели», напряженно застыли. Этого мгновения мне хватило лишь на понимание того, что в пакетах далеко не стиральный порошок, и на судорожный вздох. А вот Мишаня, которого в офисе все считали тугодумом, успел прокачать ситуацию и ударом локтя вырубить стоявшего рядом с ним здоровяка в кожаной куртке. К этому моменту наркоторговец успел достать из-за спины пистолет, который Мишаня лихо перехватил. Затем он цапнул меня за шиворот и потащил в глубь склада.

Вот кому нужно было мечтать о подвигах суперагента! Я был восхищен до глубины души и благодарен судьбе за то, что мне так повезло с напарником. Но, увы, везения хватило только на меня одного – сзади раздался сухой щелчок выстрела, и Мишаня, словно споткнувшись, рухнул на пол.

Может, мне и стыдно за страх и неуклюжесть, но, когда было нужно, я умел поступать правильно. Животный ужас и жуткая истерика все же не заставили меня побежать дальше в одиночку. Ухватив тяжеленного Мишаню за безвольную руку, я затащил его в боковой проход. К сожалению, все мои старания и героизм оказались бессмысленны – Мишаня был мертв.

Все, на что меня хватило, – это забрать из судорожно сжатых пальцев товарища пистолет, которым я, несмотря на лихое прохождение всевозможных игр и службы в армии, совершенно не умел пользоваться.

Узкий коридор заканчивался большим, но абсолютно глухим складом с высокими штабелями пустых ящиков, за которыми я и укрыл свое трясущееся тельце. А через несколько секунд в помещении появился преследователь.

– Выходи!

Жить хотелось неимоверно, и даже появлялось желание добровольно сдаться бандитам, пообещав им полное молчание, в призрачной надежде на помилование. Вопреки всем протестам логики, тело как-то само собой начало подниматься с бетонного пола. Под подошвой потрепанной жалкой имитацией спортивных занятий кроссовки противно скрипнула бетонная крошка. И тут же между стенами склада заметался оглушительный звук, в котором я узнал грохот автоматной очереди с легким оттенком треска пробиваемых пулями деревянных планочек. А через мгновение мое сознание ухнуло в бездонную пропасть.

Вам никогда не снилось, будто вы плывете в темной воде, когда не только тело, но и душа рвется вверх, к воздуху и свету, а по спине бежит мороз от предчувствия того, что сейчас кто-то ухватит за ноги и потащит на глубину? Нет? Значит, повезло. Мое пребывание во мраке было именно таким, и хуже всего то, что за ноги все-таки ухватили и потащили...

Свет больно ударил по глазам, и лишь через несколько мучительных секунд я понял, что он был не таким уж ярким. Над головой низко навис белый потолок, а боль во всем теле подтвердила, что я все еще живой.

Неужели мне удалось спастись и это больница?

Увы, реальность тут же развеяла все надежды – четыре крепких руки подхватили меня под мышки и поставили вертикально. Боль во всем теле на минуту затуманила взгляд, но затем все же отпустила, позволяя рассмотреть помещение, а также всех, кто в нем находился.

В действительности стены были не совсем белыми, а скорее светло-золотистыми, причем казалось, что комната вырублена в сплошном камне, с виду напоминавшем пирит. Свет похожих на керосиновые лампы играл на поблескивающих крошечными кристалликами стенах. Но в данный момент мне было не до местных красот. Два очень опасного вида мужика в совершенно диких нарядах довольно грубо прислонили меня к какому-то щиту, буквально распиная на деревянной конструкции с помощью ремней.

Да уж, это точно не приемный покой неотложки.

Тюремщики хоть и были одинаково грубы, но внешне являлись совершенной противоположностью друг другу. Кряжистый кронайский моряк с обветренным лицом, коротким ежиком на голове и шикарными бакенбардами резко контрастировал рядом с совершенно лысым мужиком, отмеченным татуировкой имперского центуриона на виске и правой скуле. Среднего роста мускулистый центурион был одет в кожаную безрукавку, с трудом сходящуюся на мощной груди.

Стоп! Какой кронайский моряк? Какой центурион? Где я?! Кто я?!!

А вот последний вопрос, как ни странно, оказался самым насущным. Память тут же услужливо выдала информацию, что я – Гатар Скользкий, не так давно прибившийся к сатарскому воровскому обществу, имею честь принадлежать к благородной братии мошенников. И это при том, что я прекрасно помню – по паспорту значусь как Иван Александрович Боев, прописанный в городе Таганроге на улице Энгельса. Помню все: школу, институт, «залет» в армию и ту проклятую работу в представительстве большой иностранной фирмы. Но как только задумываюсь о чем-то из окружающей реальности, чужая память затягивает в омут воспоминаний Гатара Скользкого.

И что бы это значило?

Опустив взгляд вниз, я понял, что, как говорил мой дядя: «Таки да, это не мое». Я никогда не обладал столь волосатой грудью, да и похожая на кимоно рубаха в сочетании с кожаными штанами и короткими сапожками – явно не мой фасон. Уверен, что и с лицом те же проблемы.

Скорее всего, сбылась еще одна мечта идиота. Прочитанные мной десятки книг с историями про попаданцев не могли не вызвать некоторых фантазий.

Лучше бы я фантазировал о Леночке – секретарше бывшего босса!

Из глубин самокопания с оттенком жалости к себе несчастному меня вырвала звонкая пощечина от коротышки-кронайца. Хорошо хоть это сделал не центурион – если бы «прилетело» лопатообразной ладошкой качка, сотрясение мозга было бы наилучшим исходом.

Впрочем, хватило и того, что есть: похоже, таким оригинальным образом морячок пытался привлечь мое внимание к еще одному персонажу в подвале, а именно – к импозантного вида седовласому дядьке в шикарном черном камзоле. Эдакий испанский гранд с зачесанными назад волосами и бородкой клинышком. Взгляд сам собой прикипел к изящной вязи серебряной вышивки на камзоле, но еще один «гостинец» от моряка заставил всмотреться в лицо местного начальства. И что самое странное, я его узнал. Точнее, не я, а Гатар Скользкий – вот же дал бог имечко! И не просто узнал, а жутко испугался. Как оказалось, судьба предоставила залетному попаданцу сомнительную радость встретиться с самим графом Гвиери, которого еще называли Кровавым Моржом – советником княгини и начальником службы безопасности княжества Сатар.

Граф подошел на шаг ближе, повторяя свой вопрос, и я его понял!!! Хотя язык, на котором говорил этот колоритный персонаж, точно не был русским. Граф поинтересовался, все ли мне слышно и понятно.

– Да, слышу, – поспешил я заверить его в своей внимательности, потому что видел желание морячка еще раз приложиться к моему лицу.

Моему ли? Впрочем, задаваться подобными вопросами было преждевременно, конечно, если не стремиться к тому, чтобы выпасть из этого тела сразу же после попадания.

– Готов ли ты ответить на мои вопросы, джинн?

Джинн? Даже так?! Бли-и-ин!!!

– Готов, – тут же согласился я, не вступая в эзотерические дискуссии, потому что проклятый коротышка вновь зашевелился. От шока я даже не заметил, что говорю не на родном языке.

– Твое последнее дело?

– Мое? – довольно справедливо удивился я.

Коротышка вновь дернулся, но был остановлен графом.

– Не бей его по лицу, – заботливо высказался он и заново озвучил вопрос: – Последнее дело Гатара Скользкого? Вспоминай, джинн, ты должен это знать.

И ведь действительно знал!

– Договориться о продаже какой-то штуки под названием «бутон пламени», – буквально само собой вылетело у меня изо рта.

Внезапно плюгавый мужичок в какой-то рясе с капюшоном тонко вскрикнул.

– Что случилось, профессор? – тут же повернулся к нему граф.

– «Бутон пламени» – это мощнейший артефакт. Он может взорвать небольшой дом, – громким шепотом, который слышали все присутствующие, сообщил мужичок.

– Не вижу ничего ужасного, – пожал плечами граф.

– Но, если соединить его с «лепестком магмы», погибнет половина города.

– Проклятье, – скрежетнул зубами граф и вновь уставился мне в глаза. – Кто продавец?

Я задумался, и, как оказалось, напрасно – в голове было совершенно пусто. Молчание было воспринято неадекватно, и кронаец впечатал кулак в мой многострадальный живот. Мысли опять вылетели из головы, но зато там появился ответ – Кривой Окл! Я даже не успел удивиться и подумать, кто этот Окл, как память тут же выдала такой поток информации, что мозг буквально взорвался болью.

Не было никаких картинок и вспышек с образами, как в кино с воспоминаниями героев, я просто вспомнил, что Кривой Окл, которого еще называют Жирным, был местным паханом – очень хитрой и жестокой скотиной. Еще вспомнил, что я, точнее Гатар, попал в «нежные» ручки графа именно по вине Окла. Впрочем, если быть совсем уж честным, мошенник сам виноват – нечего было связываться с этим боровом и принимать у расфуфыренного дворянчика, больше похожего на бабу, заказ на посредничество в покупке какой-то магической штуки.

Говорила же мне мама не связываться с демонской грязью.

Стоп, какая мама?

Как – какая? Сакла Номо...

Еще раз стоп! Нужно как-то бороться с лишней информацией и раздвоением личности, если не хочу залететь в местную психушку.

Очередной удар и вспышка боли напомнили мне, что сейчас не вечер воспоминаний.

– Кто продавец? – прорычал граф, раздосадованный тем, что пришлось повторять вопрос.

– Кривой Окл, – максимально быстро ответил я.

– Проклятье, – начал повторяться граф. – Заказчик?

– Какой-то дворянчик, зовут виконт Вляо.

– Ты шутишь! Этот уродец?! – искренне удивился граф. – Кто за ним стоит?

– Не знаю! – От попытки найти ответ, которого, похоже, не существует, головная боль стала невыносимой и легко перекрыла боль от побоев.

– Карн, – скомандовал граф.

– Ваша милость, – неожиданно вмешался мужик в балахоне, которого Гвиери называл профессором. – Ему незачем врать, людские дела джину неинтересны.

– Хорошо, – неожиданно быстро согласился граф. – Сделка по продаже артефакта завершилась?

– Нет, – прохрипел я, уже не обращаясь к чужой памяти, все и так было ясно.

– Артефакт у Окла?

– Да. Он ждет Гатара с предложением заказчика.

– Хорошо, проведешь нас к Оклу. – Похоже, граф был абсолютно уверен в моем согласии, поэтому сразу обратился к ученому: – Профессор, вы уверены, что мы не потеряем связь с ним на расстоянии?

– Абсолютно, – убежденно ответил тот.

Только сейчас, внимательнее посмотрев на местного деятеля науки, я заметил и странную пентаграмму, начерченную на золотистом полу чем-то черным, и странный камень в руках профессора. Камень пульсировал в ритме, который подозрительно напоминал биение сердца. И камень, и профессор мне очень не понравились, а когда я прислушался к трепыханию собственной сердечной мышцы и сравнил его с ритмом в камне, происходящее не понравилось мне еще больше.

– Теперь этот джинн связан с «камнем душ» прочной нитью, и я всегда могу ее увидеть, – продолжал вещать носатый ученый.

– Хорошенько объясните нашему новому другу его обязанности и то, чем грозит попытка неповиновения, – строго кивнул седовласый граф и решительно вышел из подвала.

В дверях его пропустила миловидная малышка. Очень миловидная – смуглая кожа, черные волосы, невысокий рост и тонкая талия при солидном бюсте. Ладная фигурка была очень грамотно упакована в тесные кожаные бриджи и свободную рубаху а-ля мушкетеры. Широкий пояс и высокие сапоги довершали образ сорвиголовы и соблазнительницы.

Намерения морячка я буквально почувствовал ноющим от боли животом, поэтому оторвал взгляд от девушки и с повышенным вниманием уставился на профессора.

– Слушай меня внимательно, джинн, – наклонившись вперед, медленно произнес профессор. – Теперь ты – раб этого камня. И если покинешь дарованное тебе

тело, то вновь попадешь сюда. – Для убедительности он поднес пульсирующий красным светом кристалл прямо к моему лицу и ткнул в него пальцем. Говорил он едва ли не по слогам, словно общался с маленьким ребенком.

– Говорите нормально, я не debil... – Уже договаривая фразу, я понял, что произнес ее на русском языке. Языкового барьера, как такового, не было. Если не особо обращать внимание на фонетику, то даже казалось, что окружающие говорят по-русски. Но как только появилась необходимость сказать что-то в ответ, пришлось напрягаться, чтобы правильно использовать слова имперского языка.

– Что? – тут же подтвердил мои опасения профессор.

– Я говорю, что все хорошо понимаю.

– Какой сообразительный джинн.

Ага, опять джинн и как там... «раб камня». Лиха беда начало. А кристалл – это что-то типа лампы? Похоже, сказка про Аладдина – не такая уж сказка.

– Очень интересно, интеллект джиннов выше того, что описывали... – Профессор начал что-то бормотать, но в этом подвальчике было кому последить за регламентом. Владелец шикарных бакенбард толкнул увлекшегося ученого под локоток, и тот моментально оживился. – Ах да. Так вот, душу этого тела мы заперли рунным заклинанием, запечатанным на коже татуировками. Действие заклинания продержится около трех часов. Так что вам необходимо поторапливаться. Не бойтесь умереть. После смерти этого тела ваша душа вернется в камень. Но если вы не умрете в течение трех часов, душа настоящего хозяина тела вырвется из магических пут и уничтожит вашу душу полностью.

Да уж, перспективка. Обычным попаданством здесь и близко не пахнет. Похоже, меня собираются использовать как раба – водителя нужных графу тел. В общем, невесело.

Но, как ни странно, страха не было. То ли события не оставляли времени на рефлексирование, то ли я еще не окончательно поверил в реальность происходящего. К тому же было дико интересно. Поэтому я решил, что терять, кроме чужой жизни, мне нечего, и занялся уточнением нюансов.

– А если мне не захочется выполнять приказы?

Квадратный морячок сразу напрягся и шагнул вперед с явным намерением объяснить, насколько я неправ, но профессор остановил его решительным жестом.

– А вот этого искренне не советую. В кристалл вы все равно вернетесь, и поверьте, там вам не понравится. Так что любой новый выход в мир будет казаться праздником. А ежели будете совсем бесполезны, то останетесь в «камне душ» навсегда.

После осознания моей «сообразительности» профессор перешел на «вы» и нормальный тон, но что-то в его поведении настораживало, он был похож... Точно – на теоретика!

– Вы в этом уверены? – поспешил я высказать свои сомнения.

– Ну, – тут же скис ученый и начал мямлить, – по описаниям Краста Нехрерима в его «Душевно покое» и пояснениям в трудах...

Подобная постановка вопроса не устроила не только меня, но и морячка. Он решительно отодвинул профессора в сторону и взял меня за глотку. Дышать сразу стало намного труднее.

– Слушай, шнырь, у меня появилась мысль потратить один час из отпущенных на твою жалкую жизнь, чтобы поиграть в интересную игру под названием «Я, раскаленный прут железа и мой новый друг».

– Я все понял, – удалось мне выдавить через пережатое горло.

– Вот и хорошо, – тут же покладисто согласился моряк. – Я знал, что ты умный парень. Лован, отвязываем его, до утра осталось мало времени.

Молчаливый центурион не мудрствуя лукаво отодрал мои конечности от щита прямо с ремнями. И лишь после этого я понял, что все происходящее – не сон: пришла настоящая БОЛЬ.

– Твою ж мать! – застонал я, добавляя несколько более емких слов. Морячок аж заслушался. Он, конечно, не понимал смысла, но инстинктивно чувствовал красоту слога русского матерного.

К боли в животе и нескольких неприятных ранах на груди добавилась резь в затекших руках и ногах, так что странное жжение от татуировок на общем фоне даже не замечалось.

Согнувшись от боли, я сполз на пол, уже ожидая, что коротышка начнет пинать меня ногами, но он лишь отошел к двери. А ко мне подошел центурион. Он достал из поясной сумочки небольшую склянку, распахнул на мне похожую на короткое кимоно рубаху и начал быстро смазывать мои раны и синяки какой-то вонючей дрянью. Затем насильно влил в глотку мерзкую жидкость из тонкой колбы.

Через минуту я заметил, что боль проходит. Лован, закончив с медицинскими манипуляциями, спрятал склянки и демонстративно ударил друг о друга браслетами на руках. Звук получился удивительно чистым и звонким. Моряк повернулся на звук и, призывно махнув рукой, первым вышел из подвала.

Эта пантомима ни о чем мне не говорила, кроме того что Лован оказался немым. Вряд ли в имперском легионе держали людей с врожденным пороком, так что его немота являлась либо следствием несчастного случая, либо применения чьих-то «очумелых» ручек. В общем, подумать было о чем как в отношении судьбы центуриона, так и своей собственной.

Узкий сводчатый коридор вел из подвала вверх, и мы друг за дружкой поднимались по вырубленным прямо в искрящейся скале ступеням.

Интересно, такой цвет стен является особенностью конкретно этих подземелий или дальше будет так же?

Будет, уверенно подсказала чужая память, сообщая, что свое имя город получил неспроста.

Память памятью, но к зрелищу Золотого Города под лучами полной и до одурения большой луны я был откровенно не готов. Задняя часть трехэтажного здания выходила прямо к парапету небольшой террасы, с которой открывался

шикарный вид на город.

Можно помнить все то восхищение золотом стен, на которое была способна отнюдь не самая поэтичная душа продажного мошенника, но видеть самому залитое молочным светом густое и очень живописное скопление домиков было настоящим потрясением. Город играл всеми оттенками золота – от белого до червонного.

Все казалось нереальным, игрушечным и словно нарисованным. Я невольно замер, пожирая глазами всю эту красоту. Похоже, центурион, несмотря на имперские корни, тоже был влюблен в этот город. Он не стал подталкивать мою застывшую тушку, а остановился рядом и посмотрел вниз так, словно нежно поглаживал взглядом крыши домов.

А вот квадратный морячок не был настолько сентиментальным.

– Ну, че встали? У нас много дел.

– Зря ты так, Карн, пусть посмотрит. Может, это в первый и последний раз, – материализовалась из золотистого мрака смуглая красавица.

Вот уж спасибо за сочувствие и пожелания. А морячка, значит, зовут Карн. Интересное дело. Если память мошенника мне не изменяет, то на Кронайских островах имена, начинающиеся с буквы «К», получали только отпрыски островных царей. Хорошенькую компанию собрал граф: имперский центурион, островной принц... А смуглянка – что: дочь хтарского хана?

Для того чтобы не болтаться как марионетка на веревочках, необходимо срочно раздобыть необходимую информацию. Вообще-то информации было навалом – только подумай, и тут же в мозгу всплывает целый ворох, но как найти нужные сведения в том бедламе, который царит в мозгу Гатара?

Стоп. Мне ли, дитяти компьютерного века и интернета, искать способы копания в мусорной куче всевозможных сведений. Но как использовать для памяти систему работы интернет-поисковика?

Все эти мысли метались в голове, пока мы огибали угол здания, построенного из таких же искрящихся светлым золотом блоков, как и весь город. Выложенная чуть желтоватой плиткой тропинка вела в довольно обширный сад, в котором кроме деревьев я обнаружил довольно странную компанию – два десятка одетых в разномастные наряды людей. Память мошенника тут же опознала традиционную одежду сатарских мещан, кронайских поморов и даже несколько имперских купцов.

Все чего-то ждали. Примечательно, что, когда наша милая компания подошла ближе, народ демонстративно отошел подальше.

Ага, вот как здесь все устроено!

Оглянувшись, я посмотрел на сопровождавшую меня троицу уже другими глазами. Похоже, ребята были либо очень надежными, либо смертниками – другим приказали держаться от меня подальше во избежание утечки информации.

Пока возникла пауза, я решил поковыряться в выданной мне во временное пользование памяти, только аккуратно, потому что слишком большие объемы воспоминаний вызывали жуткую головную боль.

Я присел на садовую скамейку и приготовился думать – вот уж не ожидал, что когда-нибудь буду относиться к этому процессу с такой осторожностью.

Итак, сейчас я нахожусь не на Земле – по крайней мере, об этом говорит незнакомый рисунок звезд и ненормально большая луна без всяких «рисунков». Информация, конечно, ценная, но в данный момент бесполезная. Важнее было точное место моего пребывания – княжество Сатар, которым правит какая-то там княгиня. Пришлomu мошеннику светская жизнь княжества была малоинтересна, поэтому ни имени, ни описания внешности местной правительницы его память не содержала.

Так, теперь насчет самого княжества. В памяти тут же услужливо всплыл очередной ворох информации, и я постарался осторожно выдернуть из него нити нужных знаний. Ощущения были такими, словно пытаешься вспомнить математическое уравнение, рассказанное учительницей в старших классах школы. Если это было давно, то всплывет только уравнение, без малейшего

понимания того, как оно попало в голову. А вот если нужна информация, которую тебе сообщила, скажем, миленькая секретарша шефа всего два дня назад, то не факт, что среди впечатлений от форм и томного тона девушки можно будет разобрать хоть что-то из того, что она говорила.

Размещенный в голове мошенника ворох информации о княжестве состоял из огромного количества рассказов, слухов и побасенок, при этом самые свежие несли с собой и все то, что Гатар помнил о рассказчиках. А это плохо – голова вновь начала болеть.

Так, а если попробовать смотреть на все это поверхностно, без особых копаний, так, как смотрим на краткую информацию по ссылкам, не открывая их? О, получилось!

Княжество основали бывшие пираты. Правит им княгиня, а в советниках у нее озверевший от безнаказанности Кровавый Морж, который, несмотря на нелегальный статус своего «КГБ», давит воров, как кот мышей. В общем, дядька более чем серьезный, и шутить с ним себе дороже. Информации, конечно маловато, но спасибо Гатару и на том – хоть не попал в этот мир как кур в ощип. Сам удивляюсь, что подобное «переселение» не вызвало у меня паники, затяжной истерики и ступора. С другой стороны, это я был здесь новичком, а Гатар, чья память сейчас у нас одна на двоих, являлся уроженцем этого мира.

Кстати, а где сейчас сам хозяин данного тела?

Лучше бы я об этом не задумывался. В голову словно ударило молотом. Неожиданно окружающий мир поплыл, и я почувствовал, как где-то там, в глубине мозга, рвется скованная цепями рунного заклятия душа мошенника. Брызгая ненавистью и бешенством, Гатар пытался вцепиться в мою заледеневшую от страха сущность и растерзать, разбросав обрывки по всей вселенной. Казалось, это вот-вот случится, но тут меня накрыло темным одеялом беспомощности.

В реальность я вынырнул как из холодной воды, при этом ощущая какой-то мерзкий запах. Вся собравшаяся в саду братия смотрела на сомлевшего новичка, а прямо надо мной склонился профессор с какой-то баночкой в руках. Судя по запаху и действиям ученого – в баночке находился местный аналог нашатыря.

– Что это было? – с трудом прохрипел я, стараясь вновь не потерять сознания от жуткой головной боли.

– Если я не ошибаюсь, атака хозяина этого тела. Не знаю, что вы там делали, но не повторяйте этого снова, – лекторским тоном, но почему-то шепотом сообщил профессор, пряча жутко воняющую баночку обратно в сумку. В облике ученого произошла некоторая перемена в виде нового аксессуара – когда он наклонился, из-за ворота похожего на монашескую рясу одеяния свесился тот самый пульсирующий кристалл, но теперь уже в сочетании с оправой и довольно толстой цепочкой.

– А без этого никак нельзя? – спросил я, с трудом принимая положение сидя. Хорошо хоть во время приступа я не стоял: каменная плитка на дорожке – не самое мягкое место для падения.

– В принципе можно, если нанести еще по одному уровню рун. Возможно, атаки будут не такими сильными, но все равно они будут.

– Но вы говорили, что узы...

– Узы действуют, – перебил меня профессор. Когда шел научный диспут, он забывал о своей вечной растерянности. – Если бы их силы иссякли, плененная душа разорвала бы вас в единый миг, а так вы можете бороться. По крайней мере, именно это сказано в трактате...

– Все, хватит лекций, начинаем работать, – прервал профессора появившийся из предрассветного тумана граф.

Кстати, рассвет был уже недалек – утренняя дымка заволакивала сад и все окрестные строения. При этом луна не успела уйти за горизонт, но уже серьезно потускнела. Выглядело это еще более потрясающе. – А ты, джинн, радуйся, что тебя вытащили в мир хоть на эти несколько часов.

– Какой на хрен джинн! – «Общение» с бывшим хозяином тела, головная боль и страх окончательно убедили меня, что все это не сон или бред. Поэтому хотелось получить объяснения прямо здесь и сейчас. Я вскочил и решительно шагнул к графу. – Я – человек, а вы вырвали меня из моего...

Договорить свою пламенную речь не удалось – кто-то положил ладонь мне на затылок. Пальцы что-то там сжали, и голосовые связки отказались выполнять свои функции. Воздух через горло выходил, но при попытке говорить получалось только какое-то сипение.

– Слушай сюда, «не джинн». Мне плевать, кто ты там есть на самом деле. Или ты ведешь нас к Оклу, или я делаю тебе очень больно, а потом ты все равно ведешь нас к Оклу, – зашипел мне в лицо Карн.

Значит, манипуляции с моей шеей проводил Лован, так как ладонь находилась на прежнем месте. Граф в это время говорил что-то одному из переодетых агентов. Моя персона, а тем более возмущенные речи его не интересовали ни в малейшей степени.

Выразительный взгляд коротышки говорил, что он ждет ответа, поэтому пришлось прошипеть нечто положительное.

– Ну вот и молодец. Но, если еще раз надумаешь орать то, чего не следует, либо я, либо Лован попросту прирежем тебя как бешеную собаку. Кстати, если это посчастливится сделать мне, будет очень больно.

Пока у нас проходили эти тихие разборки, народ пришел в движение. «Мещане» и «торговцы» по одному покинули сад и растворились в тумане.

Извилистые улочки города, чем-то напоминающего колониальное поселение испанского стиля, конечно, если выкрасить дома в золотистый цвет, вели нашу разросшуюся за счет переодетых агентов компанию куда-то ближе к морю.

Когда мы обогнули садовую стену дворца, я вновь едва не задохнулся от восхищения. Бледная луна за спиной освещала убегающие к морю желтоватые крыши домов и золотые нити улочек. А дальше лунный свет играл сверкающими серебряными каплями на волнах темного моря. И все это было окутано легкой дымкой предрассветного тумана.

С ума сойти! Никогда не замечал за собой такого эстетизма, но раньше я никогда и не видел подобной красоты. Влажные ароматы моря и каких-то цветов довершали картину ночного рая, и мне безумно захотелось увидеть Сатар днем. Как жаль, что на жизнь, притом украденную у другого человека, мне отведено

всего несколько часов.

Идущие впереди «мещане» начали накапливаться на одном из перекрестков. Остановились и мы.

Пока стояли на месте, я с удовольствием наслаждался окрестными видами. Но тут опять вмешался злобный коротышка. Оказывается, все ждали именно меня.

– Э, шнырь, о чем мечтаем! Куда дальше?

Очень интересно, можно подумать, я знал куда. Впрочем, знал. Ослабление контроля над памятью стоило мне еще одного приступа боли и «прилетевшего» пакета совершенно ненужной информации: дорога к кабаку «Безногий осьминог», к лавке старьевщика, баловавшегося скупкой краденого, и даже к борделю Пышки Лалы.

Так, пора сосредоточиться, или у Карна окончательно лопнет терпение. Куда же мошенник собирался идти сегодня ночью? Точно – в гости к Оклу. Дворянчик назвал свою цену, кстати, очень неплохую – тысяча золотых импералов, – и эту информацию нужно было донести до Кривого. Маршрут тут же сложился в голове.

– Мне туда, – ткнул я пальцем в сторону одной из улочек перекрестка и тут же остановил шагнувшего вперед моряка. – Не торопись, морячок, я сказал, что туда нужно идти мне, а не нам. Вы останетесь здесь.

Карн проворчал что-то на кронайском, которого Гатар, а соответственно и я не знали, а затем посмотрел на Лована. Лысый легионер утвердительно кивнул.

Оп-па... А центурион, оказывается, не так уж прост, и в этой команде он явно главный, как минимум в отсутствие графа. Морячок же выполняет функции кулака и, когда нужно, языка командира.

Осмотревшись вокруг, я с внутренней улыбкой увидел полтора десятка «гуляющих горожан». И это перед рассветом, когда даже самые отчаянные гуляки давно расползлись по домам!

Да уж веселуха. Граф Гвиери, конечно, крут и ужасен, а его служба вообще нечто кошмарное, но это действительно цирк.

Не знаю, что на меня подействовало – отчаянность ситуации или внутренний протест, – но нерешительность куда-то ушла, и мозг четко начал прорабатывать необходимые действия для выполнения поставленной задачи. Как бы то ни было, другого выхода не оставалось – как-то не хотелось проверять, какие именно кошмары ждут меня в случае неповиновения. С другой стороны, задерживаться в теле Гатара было боязно, особенно после его «душевной» атаки.

В густой тени с изрядной примесью тумана я заметил нескладную фигуру ученого.

– Профессор, вы не могли бы подойти?

На мою просьбу отреагировали сразу и Урген, и Карн. Морячок угрожающе набычился, и тут же на его плечо легла рука более сообразительного Лована. Но намек я понял.

Услышав фактически приказ, профессор подбежал к нашей компании мелкой рысью.

– Слушаю вас, – тихо отозвался ученый.

– Пара вопросов, профессор. Если меня убьют, я окажусь в этом камне? – таким же шепотом спросил я, тыкая пальцем в грудь ученого.

– Да.

– А если не убьют, то через пару часов хозяин тела сожрет мою душу и вернет тело себе?

– Не совсем так: вы оба потеряете свои души. Это тело умрет в любом случае.

– Каково расстояние, на котором вы сможете следить за мной с помощью камня?

– Не уверен...

– Двести-триста шагов?

– Гарантированно, – обрадовался сообразительности собеседника профессор.

– Ну, тогда я пошел. До встречи, краб, – уже громче сказал я, не удержавшись от довольно опасной шалости. Впереди ждала почти стопроцентная смерть, а выходки моряка, действительно похожего на краба, откровенно достали.

Весь комизм ситуации был в том, что крабами на Кронайских островах называли пьяных вдрызг или совсем уж неуклюжих людей. Гатар не был знатоком островного этноса, но эту особенность знал достоверно.

Карн хотел двинуть мне в морду, но вновь был остановлен центурионом. Глаза кронайца при этом обещали мне много интересного в будущем.

Что-то я расхрабрился. Интересно, с чего бы? Либо еще не до конца поверил в реальность происходящего, либо действовала химия этого тела – Гатар был довольно отчаянным парнем.

Оставив компанию позади, я прошелся по Коралловой улице и нырнул в улочку под веселым названием Три Висельника. По городским легендам, здесь когда-то совершили массовый и «добровольный» суицид три вора, проштрафившихся перед своими коллегами.

Так, что мне нужно предпринять, чтобы не запороть задание графа в самом начале? Внутренне я уже решил сделать все, чтобы достать Кривого Окла. Во-первых, я не в том положении, чтобы капризничать, во-вторых – те, против кого играет граф, ищут магическую бомбу явно не для подрыва местной тюрьмы. Так что займемся шпионскими играми и спасением чужого мира.

Блин, действительно сбылась мечта идиота!

Что мы имеем на данный момент? Окл – очень хитрый и осторожный гад. Расположения места, в котором он обитает, не знают даже ближайшие соратники, тем более такие чужаки, как Гатар. После беседы с таинственным

дворянином я должен был встретиться с человеком Окла в конторке Юрга Менялы, но это еще не значит, что переговоры пройдут именно там. К тому же окрестности дома Юрга, а возможно и весь припортовый квартал, наверняка пасли шестерки Кривого. Может, нашу веселую компанию уже срисовали и теперь меня ждет развлечение в виде пера в бочину или «бычьего языка».

Постепенно мои мысли начали окрашиваться откровенно бандитскими оттенками – похоже, сказывалась натура Гатара.

Только резких изменений в характере мне и не хватало! Кстати, «бычий язык» – это то же, что и «колумбийский галстук», в общем, приятного мало.

Продолжая ковыряться в одолженной вместе с мозгом памяти, я дошел до перекрестка улицы Капитанов и улицы Роз, на которой и проживал Юрг. Сам припортовый квартал богатством не блистал, но дома все равно играли золотом. Даже покореженная дверь лавки менялы была сделана из белого, довольно дефицитного дерева – что поделаешь, традиция.

Постучать я не успел: разохшаяся дверь резко открылась, и в проеме появилась перепуганная физиономия Юрга.

– Гатар, каракатица тебя задери, где ты ходишь? Парни Окла уже начали тянуть из меня жилы.

– Спокойно, Юрг. На тот свет всегда успеем, – небрежно отмахнулся я, и тут же по вытянутой физиономии Юрга понял, что переигрываю. Память услужливо, но не очень оперативно подсказала, что с черным юмором у местных бандитов плохо из-за предрассудков. – Все нормально, пришлось задержаться. Где мои провожатые?

Господи! Вот это рожи! Посланцы Окла были похожи на помесь горилл и гризли. Волосы у обоих начинали расти еще от бровей. А челюсти можно было хоть сейчас использовать в качестве камнедробилок. И эти «веселые ребята» явно были чем-то расстроены.

– Так, парни, спокойно, – решил я провести превентивные меры. – Если вы меня сейчас прибьете, что вам на это скажет Окл?

– Я только разок двину, – промышчал один из горилломедведей.

– Ты сначала посмотри на свой кулак, а потом на мою голову. После твоего «двину» разговаривать с боссом будет уже некому, – ухмыльнулся я в лицо громиле, наблюдая за движением его мысли от маленького лба к затылку.

Блин, как же весело ничего не бояться! Говорят, что надежда – это хорошо. Вот только желание верить в то, что безнадежная ситуация не совсем безнадежна и еще можно все исправить, рождает страх, а эта гадость похуже любой отравы – она способна превратить человека в скулящее животное. А вот когда надежды нет – все просто и понятно. Все равно умирать, так чего же бояться? Сколько там осталось – час или уже меньше? Неожиданно я вспомнил свое поведение на том злополучном складе, и мне стало невыносимо мерзко.

Медлительная мысль в голове мордоворота наконец-то доползла до финиша.

– Пошли давай, – прогундел он, явно недовольный сделанными выводами.

Я уже хотел направиться на выход, но Юрг зачем-то сдвинул в сторону стол. А дальше было еще интересней – под столом в каменном полу явно прорисовывался люк.

Вот идиот! Не мог включить мозги? Вырубленный в скале подвал под резиденцией графа, сплошь золотистые стены домов, сложенные из камня той же породы. И я – «великий мудрец», который не раз гостил у дяди в Одессе, – не подумал о катакомбах. Да, это уже клиника.

– Прыгай, – вновь удивил обширностью своего лексикона мордоворот.

Пришлось прыгать. Интуиция меня не подвела – это действительно были катакомбы. Урген со своим камешком будет искать меня очень долго.

С виду катакомбы ничем особым не отличались от тех, что я видел в детстве, – конечно, если не учитывать разницы между песчаником и этим совершенно невообразимым искрящимся камнем. А так – то же самое: однообразные квадратные тоннели – и мы, три «спелеолога», бродящие по запутанным выработкам в неверном свете двух ламп. Надеюсь, они хорошо знают дорогу, а

то, чтобы избежать близкого знакомства с очень злой после заточения душой Гатара, мне придется разбивать свою голову об эти чудесные стены. А это наверняка больно. Был, конечно, вариант с оскорблениями в адрес одного из провожатых, но думаю, что в этом случае будет еще больнее.

Путешествие особо не затянулось, но компании графа пользы от того было мало: пропетляли мы изрядно. Неприятно сузившийся штрек вывел нашу троицу в большую, метров сто в поперечнике, пещеру, причем она не была похожа на обычную строительную вырубку – кто-то явно постарался, украшая этот зал.

На стенах извивались линии непонятного смысла фрески, а посреди зала возвышался небольшой бортик бассейна. То, что это не бассейн, стало понятно, когда мы подошли ближе. Конструкция оказалась «калачом» широкого, метра три, и наверняка очень глубокого колодца. Невольный взгляд вниз ничего интересного, кроме мягкого мрака, не выявил. Я вообще заметил, что даже темнота в этом городе необычная – какая-то бархатная.

– Там очень глубоко, так что лететь долго, – раздался за спиной трубный голос, едва не заставивший меня подпрыгнуть от неожиданности. Для верности шагнув назад, я увидел у противоположного входа в пещеру Кривого Окла собственной персоной. Да уж, он действительно был и кривой, и жирный. Как вообще эта туша могла передвигаться на своих двоих?

– Никогда не мечтал летать, даже в детстве, – заверил я одноглазого толстяка, стараясь говорить максимально спокойно, насколько это было возможно в моем положении.

Окл подошел ближе, двигаясь как перекормленная утка, а серо-зеленые шторы, которые он, по-видимому, считал одеждой, колыхались в такт шагам. Человек десять его охраны тут же грамотно рассредоточились по пещере.

– А вот я мечтал, – очень даже умильно вздохнул глава местных воров и убийц.

– Кто бы сомневался, – не удалось мне удержаться от шпильки.

– Что ты сказал? – Внезапно свинья превратилась в очень опасного кабана.

– Ничего, Окл, давай займемся делом, а то мне что-то не нравятся ваши достопримечательности, – постарался я замять неосторожную фразу, при этом контролируя себя, чтобы не добавить, что от Окла и десятка его бандитов я тоже не в восторге.

– Хорошо, деловой ты наш. Что можешь мне сказать?

– Тысяча золотых, – не стал я тянуть кота за хвост.

Окл моментально разразился хриплым хохотом.

Это сколько же должна стоить магическая игрушка, что такая баснословная для местных жителей сумма вызвала пренебрежительный смех?

– Виконт, видимо, пошутил, – отсмеявшись, смахнул Окл набежавшие слезы.

– Знаешь, Кривой, меня как-то мало волнует вся эта дребедень. Говори, сколько хочешь, и разбежимся.

– Десять.

– Не уверен, что виконт согласится.

– Мне все равно – или десять, или артефакта он не получит, так и передай.

– Хорошо-хорошо, – постарался я успокоить бандита, честно говоря, не зная, что теперь делать. Моя силовая поддержка где-то гуляла, а Окл сейчас уйдет. – Я передам, но хотелось бы видеть товар.

Окл некоторое время сверлил меня взглядом единственного глаза, а затем все же достал из складок своей бесформенной драпировки нечто, похожее на половинку яйца.

– Доволен?

– Вполне.

А что еще я мог сказать?

– Тогда свободен. Передай виконту, что торговаться я не буду.

– Окл...

– Я сказал: свободен, – жестко повторил бандит, и два моих звероподобных сопровождающих шагнули ближе, а между ними – вот неприятность – появился еще один колоритный персонаж.

С мелким вором по кличке Крыса я, точнее Гатар, познакомился неделю назад. Пара неосторожных фраз, сказанных в вонючей таверне, – и Гатар разбил костяшки, а Крыса получил симпатичный двусторонний синяк под оба глаза. Синяк почти сошел, а вот обида у крысеныша явно осталась.

– Ты что, глухой? Хозяин сказал – свободен, – съязвил Крыса, доставая из-за пояса шило. Моя рука инстинктивно потянулась к поясу, где должен был храниться точно такой же инструмент вelayских нищих, у одного из которых Гатар научился недурственно владеть этим странным оружием. Но, увы, шила на месте не оказалось – «спасибо» Карну. Через секунду горилломедведи подхватили меня под руки и потащили к выходу, а Крыса поплелся следом, явно подбирая момент, чтобы ткнуть меня шилом в зад.

Внезапно мои буксировщики застыли на месте. Я всмотрелся в плохо освещенный дальний конец пещеры и увидел, как из темных провалов вырубленных в камне коридоров выбегают «мирные горожане». Картинка, конечно, была абсурдной – одна из «мещанок» в длинном сером платье с синим передником профессионально отработанным движением вскинула арбалет и пристрелила одного из бросившихся в ее сторону телохранителей Кривого.

Любопытный Крыса оббежал застывших здоровяков, чтобы рассмотреть происходящее, а затем резко повернулся ко мне.

– Ах ты ж крыса!

Это я-то? Кто бы говорил!

Вор шагнул вперед, занося руку для удара.

Ну и что мне оставалось делать? Я конечно же предпринял попытку спастись, но тело Гатара не пожелало действовать по предложенному мною сценарию – то есть тупо дергаться в руках здоровяков. Намертво вбитые вelayским нищим рефлексy заработали на полную силу, несмотря на боль в избитом теле. Плавное движение словно пружина скрутившегося тела – и руки выворачиваются из ладоней бандитов. Шаг вперед, захват правой рукой, удар ребром левой – и шило уже в моей ладони, а Крыса с хрипом в перебитой гортани валится на землю. Еще один шаг с разворотом, шило резко клюет одного из здоровяков под левую грудь – и он тут же заваливается на бок с пробитым сердцем.

Круто!

Восхитившись, я пожелал сделать удар в висок оставшемуся конвоиру более изящным и тут же поплатился за дурное намерение – шаг сбился, и бандит ушел от выпада, встретив меня ударом в грудь. Словно кувалдой саданули! Бандит делает шаг вдогонку, но уже с длинным ножом в руках.

Ну что, приехали?

Заваливаясь на спину, я обреченно прикрыл глаза, но тут тело мошенника воспользовалось тем, что дурной возница выпустил вожжи. Падение перешло в кувырок через голову, и как только ноги коснулись пола – толчок вперед. Пропустив перед собой мелькнувший в воздухе нож, я на контрдвижении ткнул шилом вверх, попадая развернувшемуся по инерции здоровяку под челюсть с правой стороны.

Через секунду на полу пещеры лежало два больших трупа и один маленький: Крыса к тому времени уже затих.

Так, с этим надо что-то делать – либо научиться взаимодействовать с рефлексами тела, либо завести привычку не мешать ему. Сейчас мне просто повезло, а что будет дальше?

Из передряги с конвоирами удалось выбраться, хотя какая мне от этого польза? Осмотревшись вокруг, я увидел, что все подручные Окла лежат на земле, нашпигованные арбалетными болтами, а все выходы из пещеры перекрыты. Зря

я насмехался над людьми графа – когда это нужно, работают они солидно.

Из бандитов на ногах остался только Окл. Внезапно единственный глаз Кривого злобно сверкнул, и он, сжав в пухлых руках артефакт, коротко, словно выплюнув, произнес какое-то слово.

– Нет! – между стенами пещеры заметался панический вскрик Ургена, который явно догадался, что именно произошло, точнее, произойдет через секунду.

Резкий рывок – и я бросился к Оклу. Бежать было недалеко, метров двадцать, но все равно эта пробежка заняла пару секунд, за которые удалось многое обдумать.

Зачем мне это нужно? «Похитители душ» не были моими друзьями, а смерть зловредного Карна была бы только в радость. Но за секунду до рывка, повернувшись на крик ученого, я поймал взгляд Яны. В ее глазах была такая растерянность, страх и жажда жизни... Не скажу, что влюбился – малышка хороша, но немного не в моем вкусе, – и все же губить такую красоту нельзя. К тому же очень не хотелось дожидаться момента, когда душу Гатара уже не будут сдерживать магические узы.

Подбегая к колодцу, я увидел, как Окла утыкали болтами, что дикобраза, и это было не очень хорошо – если он упадет на пол пещеры, мой героический забег окажется бессмысленным. К счастью, тело главаря бандитов было бронировано толстым слоем жира, который немного прикрыл жизненно важные органы, что задержало падение на доли секунды.

И этого мне хватило. Толчок, удар – и мы, обнявшись как родные, перевалились через кромку широкого колодца.

Полет затянулся секунды на три, а потом была яркая вспышка и короткий всплеск боли.

Маленькая комната с бедной, можно даже сказать нищенской, обстановкой – и я в ней. Причем полное ощущение хоть и очень четкого, хорошо просматриваемого, но все же сна. Да, и еще: я почему-то в образе маленького

мальчика. За дверью комнаты раздаются тяжелые шаги. Кажется, весь дом содрогается от этой грозной поступи. Мне очень страшно. И страх какой-то детский – яркий и очень острый.

Хлипкую дверь снесло от сильного удара, и в комнату ввалился огромный, как гора, папаша Гатара. Похоже, я нахожусь в его сне, точнее – кошмаре.

Что это? Взрыв не удался или я протащил в кристалл кошмары оккупированного тела? Впрочем, маленькому Гатару было не до этого. Страх достиг апогея, и я рыбкой ныряю в окно. Вслед летит рев взбешенного родителя. Дальше пошло мельтешение улиц города – явно не Сатара. Папаша Гатара гонится за мной, догоняет и зверски бьет. Боли не было, но все равно неприятно и страшно – детский страх заразителен. Да уж, тяжелое у Гатара было детство, так что наклонности садиста – я все же мельком заглянул в эту часть его памяти – появились неспроста.

Интенсивность приключений маленького Гатара нарастала – погоня все время повторялась, а папаша постепенно превращался в какого-то монстра. По идее это должно было очень меня испугать, но куда там фантазиям городского мошенника до бреда голливудских режиссеров. В общем, терпимо, и если кто-то ожидал, что я вырвусь из камня с паническими воплями, то сильно ошибался.

Глава 2

Виконт

Белесая поволока постепенно рассеялась, и я увидел лазурное небо с барашками облаков, а между облаками резвились какие-то эфемерные создания с прозрачными крылышками.

Только не говорите мне, что я попал в рай: не с моим суконным рылом. Впрочем, все оказалось намного прозаичнее – это опять был потолок, в этот раз довольно талантливо расписанный местными мотивами запредельной жизни. Помимо обстановки от предыдущего «включения» отличалось и мое состояние – побоев меньше, а татуировок больше. Я пока еще не видел, но жжение по всему телу

говорило, что по количеству наколок новый образ легко переплюнет любого байкера.

Рядом с правым ухом кто-то громко зазвенел стеклом. Повернув голову, я увидел, как Урген собирает баночки с красками. Еще один поворот головы позволил мне лицезреть очень довольного Карна, усевшегося на подоконник большого окна.

Новое тело в принципе слушалось нормально. Я осторожно сел и только тут понял, что валяюсь на холодном полу совершенно голый. Мошенника при «вселении» не раздевали, но и заклинаний на нем было значительно меньше.

Наготу нового тела прикрывали только свежие татуировки, конечно, если это можно было назвать прикрытием. Кроме морячка в комнате находилась вся команда: Лован, развалившись в кресле, что-то читал, а Яна перебирала баночки у косметического столика с большим зеркалом.

Мы что, в будуаре какой-то дамы?..

И тут в один момент все стало на свои места – и умопомрачительный набор косметики, заинтересовавший даже хтарку, и слишком уж изящный интерьер комнаты, и ехидная ухмылка Карна.

Блин! Куда я попал?!!

Карн соскочил с подоконника и подошел ближе. Его ухмылка стала еще безобразнее.

– Ну как, тебе нравится? Мне – очень, – тоном одного злобного доктора спросил моряк.

– Вот уж не знал, что кронайским морякам нравятся голубые, – тут же среагировал я.

– Какие? – напрягся Карн.

Похоже, в этом мире еще не успели ополиться голубой цвет. Порывшись в липкой памяти виконта Вляо, я добавил:

– Мужеложцы.

– Что-о!!!

Я ждал чего-то подобного, а вот то, что Лован окажется настолько быстр, оказалось для меня сюрпризом – центурион умудрился вскочить с кресла и поймать Карна за шиворот морской безрукавки раньше, чем тот съездил мне по морде.

Блин! Да что же у меня с инстинктом самосохранения? Так и убить могут. Ведь знал же, еще из памяти Гатара, что кронайцы – жуткие гомофобы.

– Оставь его в покое, сам виноват, – отозвалась от зеркала Яна, но, заметив мой благодарный взгляд добавила: – Прекрати пялиться на меня и оденься, смотреть противно.

Ах вы, неблагодарные сволочи, особенно вот эта красотка! Я вас спасал, а вы...

Впрочем, недовольство длилось недолго – неприятная пилюля досталась и хтарке. Лован звякнул браслетами и что-то показал девушке на пальцах.

– Я?! – возмущенно фыркнула смуглянка.

Еще одна серия жестов и довольно опасный прищур центуриона убедили девушку, и она направилась в сторону большого шкафа. Похоже, меня сейчас будут одевать. Только близость подобной особы напоминает личный контакт со скорпионом.

Яна ловко помогла мне облачиться в совершенно дикий наряд, состоявший из безвкусного желто-синего камзола с дикими ярко-красными бантами, остроносых туфель с золотыми пряжками и лосин, больше похожих на женские колготы.

Боже, что здесь за мода, особенно эти лосины?! Хотя, возможно, все не так плохо – я точно помнил, что у графа в сочетании с камзолом шли нормальные брюки. Под самый конец одевания меня ждал сюрприз – нахлобучив на мою голову шляпу, Яна под видом затягивания каких-то ремешков в камзоле, тихонько шепнула на ухо: «Спасибо», – и незаметно поцеловала в шею. Тело виконта содрогнулось от отвращения, а мне поцелуй понравился – вот такое внутреннее противоречие.

Ох и трудно будет в этой оболочке!

После одевания Яна усадила меня у туалетного столика. Короткий взгляд в зеркало вызвал неожиданную слабость и головокружение. Можно «догадываться», что это тело не твое, именно догадываться, а не ощущать. Чувствовать может само тело, а не кто-то в нем. Даже более чем экстравагантная одежда виконта не мешала и не натирала – я-то лосин никогда не носил, а вот виконт так одевался всегда, и его тело не ощущало дискомфорта, значит, и мне ничто не мешает. А вот увидеть в отражении чужое лицо – это шок.

Яна почувствовала мою дрожь и спросила:

– Все в порядке?

Глубоко вздохнув, я вновь посмотрел в зеркало, стараясь воспринимать все как телевизор с каким-то чужим парнем на экране.

– Все, я в норме. А ты уверена, что это необходимо? – настороженно покосился я на щеточку в ее руках.

– Да, если виконт появится на людях без макияжа, это вызовет намного больше разговоров, чем его променад голышом. Кстати, такое уже бывало.

– Уж лучше голым, – пробурчал я, рассматривая в зеркале бледное лицо субтильного юноши, которое в сочетании с тенями и румянами становилось еще неприятнее. Нездоровый цвет лица, лихорадочный блеск в водянистых глазах и тонкие губы с морщинами в местах образования презрительной ухмылки.

Это лицо мне совсем не нравилось, но я даже не подозревал, насколько, и, лишь осторожно заглянув в его память, понял, что за человек этот виконт. Оргии, кутежи в сочетании с постоянной скукой – вот и вся жизнь богатого наследника когда-то славного рода. От прикосновения к воспоминаниям виконта остался липкий и очень неприятный след на душе.

Я никогда не был ярым гомофобом, просто не понимал этих людей, но виконт, конечно, еще тот фрукт. Скука – страшная вещь: умноженная на достаток, отсутствие обязанностей и целей в жизни она способна превратить человека даже не в животное, а в какого-то монстра, эндорфинового наркомана.

Копания в липких сгустках памяти ничего важного в плане информации не принесли – в заговоре виконт Вляо оказался случайно. Единственное, что могло помочь графу, – так это имя заказчика, того, кто втянул в заговор юношу и заказал у Окла вторую часть артефакта.

По окончании процедур я, дабы хоть как-то избавиться от удушливого запаха духов, решил подышать свежим воздухом у окна.

Моему намерению никто не препятствовал – народ вернулся к прерванным делам: Яна – к инспекции дорогой косметики виконта, Карн пересел с подоконника на широкий диван, Лован вернулся к книге. А вот профессор занялся явно не очень привычным для себя делом – рискуя окончательно испачкать свою «рясу», он ползал по паркету, стирая подозрительно гламурной тряпкой свои «художества». Пентаграмма была большой, так что работать ему придется долго. Никто из троицы силовиков помогать ученому не собирался, а лишних глаз в этом деле явно не предусмотрено. У меня же и подавно не было ни малейшего желания помогать местному экспериментатору – во-первых, я не давал разрешения на участие в его опытах, а во-вторых, было жалко портить работу Яны. И не потому что этот павлиний наряд мне нравился, а оттого что на него было потрачено много усилий девушки и моего терпения.

Дневной Сатар был другим. Не знаю, то ли прямолинейное солнце слишком безжалостно высвечивало недостатки Золотого Города, то ли тело вечно недовольного виконта внесло свои коррективы в мое восприятие. А возможно, и то и другое. Под полуденными лучами Сатар напоминал очень дорогое, но немного безвкусное украшение, – я вообще никогда не любил золота, предпочитая ему серебро. Днем появилось ощущение подделки, куда-то ушло очарование ночной сказки. Ночь вообще является идеальным выставочным

фоном для всего на свете, а луна всегда была самым снисходительным осветительным прибором, высвечивая лучшие стороны и ретушируя недостатки, к тому же заставляя воображение дорисовывать что-то свое, потаенное и желанное. А вот солнце показывало все как есть на самом деле, без скидок и прикрас. Это касалось всего: и узких улочек, где на фоне «золотых» стен ходили разные люди – от праздно гуляющего дворянина до золотаря с бочкой человеческих отходов, – и сложной композиции черепичных крыш, лишь претендующих на ансамбль. Но, несмотря на все мелкие недостатки, дневной Сатар был по-своему красив, наполнен жизнью и уж точно неординарен.

Кроме города день заставил меня по-другому посмотреть и на себя, точнее – на себя самого, а не на тело виконта.

Блин, как же все непросто! Что со мной происходит? Вчера, если это было вчера, я убил двух человек, но никакого неприятного осадка при этом не чувствовал. Прошое словно было отсечено прозрачной, но очень крепкой стеклянной стеной: все помню, но я не там, а здесь, и то, что происходит за стеклом, меня как бы не касается. Возможно, именно так чувствуют себя убийцы – те, что не окончательно сошли с ума. Маньяки же наверняка плещутся в своих воспоминаниях, как крокодилы в вонючем болоте. Впервые мне стало страшно, по-настоящему страшно не за жизнь, и даже не за разум, а за душу.

От дальнейших душевных терзаний, которые могли привести куда угодно, меня спасло появление графа.

Рывком распахнулись широкие, все в золотистых завитушках двери – и в комнату стремительно вошел граф Гвиери. Все, кто сидел, тут же вскочили на ноги, и даже Урген рывком поднялся с колен, нелепо удерживая грязные панталоны виконта в вытянутых руках.

– Урген, бросьте тряпку и присаживайтесь, прислуга домочет. Нам нужно поговорить, – осмотрев непонятное пятно на полу, «милостиво» разрешил граф.

«Силовики» быстро соорудили из имеющейся в комнате мебели круговые посадочные места, и мы уселись лицом друг другу, как при групповой психотерапии.

– Итак, у нас наконец-то появилось время, чтобы немного прояснить ситуацию. Я намеренно отложил объяснение до возвращения джинна, который почему-то оказался не джинном, – граф выразительно посмотрел на сжавшегося Ургена. – Наш новый коллега очень хорошо проявил себя при захвате Окла, и я решил, что ему не помешает быть в курсе. Всем остальным раскрываю фишки по причине важности дела, а также потому, что вы уже являетесь носителями очень опасного знания. Вам я доверяю, а профессор и... – Он вопросительно посмотрел на меня.

– Иван Боев.

– Так вот, и профессор, и господин Ван, – по-своему воспринял мой ответ граф, – не смогут допустить утечки, даже если пожелают. Конечно, если хотите, чтобы мы вырезали всех случайных прохожих, можете поорать в окно, но легче вам от этого не станет.

Если он рассчитывал, что я вдруг весь изойду в раскаяниях за свое поведение в саду, он сильно ошибался.

Граф резко встал, жестом останавливая поднявшуюся троицу. Мы с Ургеном таким подбострастием не страдали. Пройдясь по комнате, Гвиери что-то там для себя решил и вернулся к слушателям, но садиться не стал.

– Итак, позавчерашняя операция была экспромтом и скорее пробной акцией, нежели чем-то продуманным. Вселение в тело мошенника – а мне кажется, этот термин подходит лучше, чем «одержимость», – мы произвели как пробное. А сейчас мы переходим к главному. В последнее время в княжестве происходит что-то странное, то, над чем я оказался не властен. Если жизнь города – как ночная, так и дневная, – контролируется мною полностью, то влезть в дела высшей знати без позволения княгини мне не удастся. Я не мог себе позволить даже официального ареста этого мерзкого сморчка-виконта. Как понимаете, Ван, это не о вас, – тут же уточнил граф. – А делать что-то нужно. В городе происходит нечто опасное, я это чувствую.

Разномастная троица «силовиков» слушала очень внимательно – похоже, в умении графа чувствовать опасность они не сомневались. А мне, честно говоря, все это было до лампочки, и я просто ждал, когда «оперативная летучка» дойдет до места, где будет говориться обо мне.

– Добраться до виконта и тех, кто за ним стоит, я мог только с помощью запретных знаний профессора. Поэтому хочу, чтобы вы осознали, чем нам всем грозит занятие черной магией. – Граф проникновенно осмотрел своих слушателей, и если в глазах своих подчиненных он увидел преданность и решительность, а в глазах Ургена страх, то я выражал только раздражение – как-то фиолетово, на каком костре станут жечь эту компашку: меня все равно там уже не будет.

– Нашему гостю не страшно? – опасно сузил глаза граф.

– Да как-то не очень, – небрежно ответил я, увидев, как дернулся Карн.

Граф остановил своего подчиненного жестом руки и шагнул ближе – да уж, дядька серьезный, даже меня, при всей безнадежности положения, проняло.

– Я не стану угрожать, разговор с профессором расставит все по своим местам. Лучше вернемся к делу. Попытки к виконту мы не применяли по двум причинам – он мог оказаться случайным свидетелем, к тому же в дальнейшем требовалось сохранить целостность и подвижность этого тела. Так что информацию будем извлекать естественным способом.

Конечно, речь графа я воспринимал через призму двух языков, но все равно сохранялось впечатление, что легкая вычурность является наигранной, – скорее всего, в молодости его солдафонский лексикон, несмотря на графский титул, не отличался разнообразием, но придворная жизнь на старости лет научила куртуазному поведению.

Я так задумался, анализируя речь графа, что упустил смысл его слов. Все смотрели на меня с явным ожиданием.

– А, информация! – с небольшим опозданием догадался я и осторожно погрузился в не самую приятную среду – память виконта Вляо. У него даже имя было какое-то липкое.

Несколько минут внутренних изысканий привели к определенному результату, и я тут же огласил итоги:

– Ваш Вляо хоть и редкостная гнида, но в заговоре оказался случайно. К этому делу его привлек некто барон Немеш. – Выдав это имя, я осторожно посмотрел на графа. Он хоть и сохранял невозмутимость, но заигравшие желваки и блеснувшая в глазах ненависть говорили о многом.

– Дальше, – заявил Гвиери.

– А дальше – все. Покупка артефакта была первым заданием для виконта. Так что неизвестно, введут ли его в круг заговорщиков. Это должно было произойти на приеме в честь дня рождения барона, но после недавних событий я не уверен, что это случится. Кстати, а когда у барона день рождения?

– Сегодня, – зловеще улыбнулся граф. – Хорошо, что профессор попросил день для подготовки, так что «вселение» продержится до раута во дворце барона. Так, Ван, собирайся – мы поедem в княжеский дворец. Там ты разыграешь сцену раскаяния и покаяния, но не вздумай ляпнуть лишнего. – Увидев сомнение в моих глазах, граф добавил: – Думаю, после беседы с профессором желания бузить у тебя поулавится. Извиняться за то, что втянул твою душу в наши дела, я не буду. Ты получил возможность пожить чуть дольше отмеренного тебе срока, так что будь благодарен.

С этими словами граф Гвиери развернулся и чинно прошествовал к выходу. Лован и Яна последовали за ним, а Карн остался, дабы у меня и профессора не возникло ненужных мыслей и разговоров.

– Ну что ж, великий ученый, рассказывайте.

– Что? – робко сказал Урген, садясь на краешек стула.

Да уж, настоящий безумный ученый – неудержимый на тропе познания и не ведающий страха по причине жизненной близорукости и оторванности от реальной жизни.

– Как вы докатились до такой жизни?

– Я?

– Ну не я же, профессор! Хорошо, не буду вас смущать интимными вопросами и сразу перейду к делу. Сколько мне отведено времени на проживание в этом теле? – Подобный прагматизм удивлял меня самого, но по непонятным причинам старая привычка к вечным сомнениям и рефлексированию куда-то запропастилась.

– Точно сказать нельзя, – неуверенно ответил Урген, и это бесило больше всего. – Я получил от графа рукопись Сверила Тормодара «Узы демонов» и сегодня испробовал новое заклинание. Должно хватить примерно до рассвета.

– Примерно? – прошипел я, теряя терпение. – Если вы ничего не смыслите в этом, то зачем взялись!

– А вы думаете, я хотел?! – неожиданно взвился Урген. – Я всего лишь мечтал вернуть людям утерянное в веках знание. Ради этого мне пришлось покинуть кафедру в имперском университете и приехать в Сатар. Здесь можно было найти хоть какие-то магические следы былых времен и труды древних исследователей. Я успел лишь купить у каких-то оборванцев «камень душ», как меня тут же схватили.

Похоже, профессора прорвало, ему явно некому было рассказать о своих бедах, – и вот подвернулись свободные уши. А я в принципе и не возражал – дружба с профессором могла пригодиться в будущем. Слушая откровения несчастного ученого, я осторожно покосился на Карна, но коротышка безмятежно дремал на диване, не вникая в нашу беседу.

– Но разве магия не запрещена? – успокаивающе заглянул я в глаза профессору.

– Эти трусливые упрямы из церкви и университета готовы запретить все, кроме исцеления. Конечно, ведь целители лечат одряхлевшие тела властителей! А раньше маги творили настоящие чудеса, и демоны здесь ни при чем!

Мне, конечно, хотелось послушать о демонах, которых тут все так боятся, но сначала нужна жизненно важная информация.

– Так что там про наказание, о котором говорил граф? Он, похоже, думает, что мне есть что терять.

– Это так, – немного успокоился профессор, и в его голосе вновь появились виноватые нотки. – Вы простите, что втянул вас во все это, но у меня не было другого выхода. Либо на костер, либо заинтересовать графа чем-то ценным. Теории полей его не привлекли, а вот возможность подселать в тела управляемую сущность вызвала интерес.

– Насколько я понял, вы являетесь имперским подданным, почему не обратитесь в посольство?

– Чтобы меня сожгли мои же коллеги? Эх, молодой человек, не знаете вы местных реалий.

– Давайте о реалиях мы поговорим позже. Что там насчет угроз?

– Заточенная в камне душа подвергается страшным мукам. И чем дольше она там, тем ужаснее мучения. Да, забыл спросить: что с вами происходило после взрыва? – Страх и раскаяние тут же покинули глаза настоящего ученого, и туда опять вернулась жажда познания.

– Ну, все немного сумбурно, это похоже на сон. Снилось детство Гатара – ну того мошенника. И сновидения, точнее, одно повторяющееся, становились с каждым разом более мрачными.

– Я так и думал, – вновь сочувственно вздохнул Урген. – Вы пробыли в камне чуть больше двух суток. А представьте, что будет, если проведете там год или десять? А сто?

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Похоже, граф прав – буду я плясать под его дудку как миленький, если захочу, чтобы меня выпускали из каменного дурдома хоть иногда. В мозгу на фоне общего страха и уныния мелькнула искорка надежды.

– А выбраться никак нельзя? – тихо спросил я, и тут же вскинулся Карн. Вопли профессора его не волновали, а вот мой шепот заинтересовал.

Урген ничего не ответил, но в его глазах мне почудился интерес к этому вопросу. Если лазейка в ловушке графа есть, то этот чокнутый ученый найдет

ее, главное – не спешить.

Граф вернулся через полчаса в сопровождении тех же Лована и Яны, но теперь хтарку было не узнать – она облачилась в пышное платье, ниспадающее белоснежными волнами и обнажающее смуглые плечи.

Потрясающе! Интересно, где она прячет оружие? Понятно, что на прием она идет не из светского интереса, а дабы охранять или, если что пойдет не так, прирезать мою тушку.

Еще при осмотре окрестностей из окна я удивился, насколько в Сатаре узкие и извилистые улицы. Даже мелькнула мысль о невозможности передвижения на транспорте. Но все оказалось проще – окна небольшого особняка виконта смотрели в сторону окраины, а фасад выходил на широкий проспект.

Насладиться видами широкой улицы, с обеих сторон обсаженной удивительно светлыми деревьями, помешало одно происшествие. Когда мы спускались со второго этажа, я невольно заглянул сквозь открытые двери в небольшое помещение у лестницы. Увиденное зрелище заставило по-другому взглянуть и на ситуацию, и на моих спутников. В комнате рядышком лежали три тела молодых людей. Судя по небогатой одежде – это были слуги. Судя по нарядам и макияжу, слуги разделяли пристрастия своего хозяина.

Но не убивать же их за это!

Вот поэтому яркое послеобеденное солнце не показалось мне таким уж радостным, а широкий проспект, на котором царили все оттенки белого и золотого, без единого темного пятнышка, совершенно не внушал оптимизма.

Перед невысоким крыльцом особняка нас ждала карета с гербом, на котором был изображен скалящийся на неведомого врага морской зверь, очень похожий на моржа, только поагрессивнее и с мордой в крови. Память образованного виконта Вляо подсказала, что это герб графов Гвиери.

В карету сели только мы с графом и Яна – оба боевика запрыгнули на запятки. Пара белых лошадей – интересно, в этом городе есть что-нибудь черное, кроме камзола графа? – довольно бодро потащила свой груз вдоль по улице. Большое окно в дверце кареты позволяло рассматривать окрестности, чем я и занялся.

Мимо проплывали дорогие особняки, расположенные на улице, без особой фантазии названной Золотой. Особнячок Вляо находился у самого начала проспекта, практически у ворот обнесенного высокой стеной квартала Царей – обиталища местной знати. Соответственно жилье виконта не впечатляло воображение шиком, а вот ближе к центру шли настоящие дворцы. Память виконта услужливо подсказывала имена хозяев этих дворцов – маркиз Тронто, граф Ностремо, барон Закалот. Кстати, барон вроде и не самый крутой титул, но огромный архитектурный ансамбль по богатству с легкостью переплывал своих соседей.

Несмотря на любопытство, я постарался отгородиться от памяти виконта, потому что вместе с информацией прилетали отголоски эмоций, которые Вляо испытывал при упоминании этих людей. Кого-то он презирал, кого-то боялся, а вот с маркизом Тронто они проводили время в совместных «загулах», и мне вспоминать об этом по понятным причинам не хотелось.

Оторвавшись от окна, за которым проплывали особняки, с приближением к дворцу княгини становившиеся все богаче и уродливее, я посмотрел на графа. Оказывается, все это время он разглядывал мою персону.

– Любопытное зрелище?

– Как ни странно, да, – с улыбкой ответил граф. Такой себе добрый дядюшка, который, не задумываясь, отдал приказ убрать трех ни в чем не повинных свидетелей.

– И чем же? Вы раньше не видели людей со странными вкусами?

– Почему же, видел, да и виконта Вляо знаю с пеленок. Кстати, его покойные родители были очень достойными людьми. Меня заинтересовало другое. Лицо виконта под твоим контролем совершенно изменилось, поэтому в этой раскраске и одежде ты смотришься как пытающийся замаскироваться под проститутку имперский центурион.

Я на секунду представил Лована в белом платье, благо пример этого наряда был перед глазами, и засмеялся. Граф позволил себе улыбку, а Яна, которую бог явно не обидел воображением, кисла от смеха, закрыв лицо веером из каких-то очень

пушистых перьев.

Но – увы, Гвиери затронул эту тему не для смеха. Его лицо внезапно стало более чем серьезным.

– Боюсь, такое несоответствие может провалить нам операцию.

Я тоже оборвал смех, затем вспомнил недавние эмоции из памяти виконта и постарался выразить всем лицом смесь из скуки, презрения и толики пресыщенности.

– Прекрасно, – милостиво одобрил мои потуги граф. – Ты никогда не лицедействовал в той, прежней жизни?

– Приходилось.

– Был артистом?

– Нет, скорее – клерком купеческой компании, но в молодости баловался театром, – подыскал я в имперском языке подходящее слово, хотя здесь театров как таковых не было. Внезапно накотившая волна тоски по утраченной жизни сковала горло и, похоже, отразилась на лице.

Граф явно не страдал тактичностью, особенно с теми, кого использовал, но, должно быть, понимал, что перед важным для дела разговором с княгиней расстраивать меня не стоит. А на что он готов пойти ради пользы дела, было видно по содержимому комнаты у лестницы в особняке виконта.

Дворец княгини Сатар – это было нечто! Казалось, кто-то вставил великолепную белую жемчужину в дорогую брошь из белого и червонного золота. Во всем дворцовом комплексе не было ни единого желтого тона – только чистый белый блеск искристого камня под названием «мудар», как подсказала более информированная, чем у мошенника, память виконта. Мудар бывал белым, золотым и даже синим, но синий мудар считался редкостью и в городе использовался только в Морской комнате княгини. Мне вдруг до одурения захотелось увидеть эту комнату.

Проехав мимо парадной лестницы во дворец, мы обогнули левое крыло и остановились у бокового входа. Помимо этой предосторожности, на меня накинули плащ с глубоким капюшоном, причем женский.

Четыре гвардейца, облаченные в нечто напоминавшее одеяние швейцарской гвардии Ватикана, недоверчиво уставились на неожиданных гостей, появившихся у малопопулярного входа во дворец. Эти волкодавы моментально подобрались – их алебарды не выглядели игрушками, а колющие глаза отчаянных рубак, несмотря на скуку, цепко осматривали все в округе. И все же их пыл поумерило недовольное выражение на лице графа, носящего не самый милый псевдоним Кровавый Морж.

Щепетильную ситуацию разрешил появившийся из дверей толстенький распорядитель.

– Пропустить, – надменным тоном заявила эта шавка, которую любой из стражников мог прихлопнуть одной рукой.

Прямой приказ распорядителя и авторитет графа Гвиери заставили гвардейцев расступиться.

– К чему такие тайны, граф? – лениво осведомился толстенький господин в голубом камзоле. На ногах у него были точно такие же колготы, как у меня, но память виконта подсказала, что у этого персонажа нет странных наклонностей – просто мода такая.

– Вас уполномочили задавать вопросы? – ядовито осведомился граф.

– Прошу за мной, – со снисходительной и холодной ноткой процедил распорядитель. Похоже, положение Гвиери при дворе серьезно пошатнулось, так что еще неизвестно, станет ли княгиня слушать наши откровения.

Вслед за лениво шагающим распорядителем мы отправились в довольно долгое путешествие по белокаменным залам и коридорам, на стенах которых была выставлена огромная экспозиция картин и гобеленов.

Дворец снаружи не казался очень уж большим, и у меня появилось подозрение, что нас водят кругами. Но, как бы то ни было, пройдя несколько лестниц и поднявшись на третий этаж, мы все же добрались до небольшой приемной. В комнате с голубоватыми обоями за столом восседал интеллигентного вида юноша, по крайней мере об этом говорили очки на его носу и некоторое наличие мысли в глазах, а не сплошная спесь и высокородная надменность.

Правду говорил один мой знакомый – потомок древнего рода, но не стремящийся стать пупом мира: «Дворянин – это тот, кто без малейших сомнений бросится защищать свою страну, а не тот, кто лучше танцует мазурку и наиболее утонченно поедает пулярку. Дворянство – не привилегия, а обязанность и долг прежде всего перед своей совестью».

Если граф Гвиери и отчасти этот молодой человек хоть как-то соответствовали дворянскому званию, то распорядитель и все, кого мы встретили на длинном пути через залы и коридоры, явно были крутыми танцорами мазурки и поедателями пулярки.

Что уж говорить о бывшем обладателе доставшегося мне тела!

Тошно, ей-богу.

Немного легче стало, когда я увидел еще одного дворянина, вышедшего нам навстречу из кабинета княгини, – секретарь за минуту до этого дернул за шнурок у стола, явно давая кому-то знать о посетителях.

Новый персонаж был либо чистокровным кронайцем, либо наименее печальным примером ассимиляции островитян в имперскую культуру: высокий, статный мужчина лет тридцати от роду был одет в дорогой и удобный костюм цвета мокрого песка, по крою чем-то напоминавший одежду Карна. Это был тот же длинный камзол-безрукавка и невысокие мягкие сапоги, только рубаха под камзолом была сделана не из непромокаемого материала, а из чего-то очень тонкого. И конечно же все это имело более изящный вид и стоило раз в сто дороже. Память виконта подсказала, что это – форма военного флота княжества, а молодчик с аккуратными бакенбардами являлся капитаном княжеской яхты и начальником личной охраны местной правительницы.

Из украшений на капитане Арате был лишь усыпанный алмазами орден и скромная бронзовая медаль. Да еще кончики похожей на гусарскую шнуровки поблескивали рубинами.

– Вы пойдете один, – категорично заявил капитан графу.

– Со мной свидетель, чья информация имеет большое значение.

После решительного жеста капитана я сбросил с себя плащ.

– Хорошо, – немного подумав, сказал он, – но девушка останется здесь.

Цербер княгини внимательно осмотрел опустившую веки Яну и, похоже, так же, как и я, не смог определить, откуда это милое создание может внезапно достать оружие.

Вновь переведя взгляд на меня, он брезгливо сморщился и быстро обыскал изобилующий бантами и пуфами наряд. Тело виконта отреагировало не совсем адекватно, и я был готов двинуть самому себе по морде.

Блин, когда же это закончится, хоть выбрасывайся в окно!

Капитан наградил расфуфыренного распорядителя хмурым взглядом, что заставило того быстро ретироваться. Яна была сообразительной девочкой, поэтому без лишних напоминаний забрала мой, а точнее – свой собственный, плащ, отошла в дальнюю часть приемной и скромно присела на диванчик.

Капитан перевел еще раздраженный после распорядителя взгляд на меня, но граф поспешил успокоить телохранителя княгини:

– Все в порядке, Джайме, при нем можно говорить. – По праву старшего он обратился к капитану по имени.

– Граф, княгиня очень зла, – тихо сказал капитан, подходя к графу ближе. – Ликвидация графа Отторо была не очень обдуманном поступком.

– Можно подумать, она хотела получить огласку пристрастий этого урода? – довольно искренне вздохнул граф, явно расстроенный тем, что княгиня им недовольна.

– Я ей говорил то же самое, но барон Немеш буквально завывает о том, каким хорошим был Отторо и что все рассказы о нем – это ваши козни против его друзей.

– Урод! – Самообладание графа дало трещину, а капитан опасливо покосился на меня. – Вот как раз о бароне мы и поговорим, а его племянник нам в этом поможет.

Граф и капитан прошли вперед, а я двинулся следом, с замиранием сердца надеясь увидеть Синюю комнату. Увы, комната опять была белой, хотя и в ней имелось много интересного. Почти все свободное место у стен занимали изящные шкафы, за стеклянными дверцами которых виднелись корешки книг и торцы свитков. Оставшиеся незанятыми участки стен закрывали огромные карты. Впервые после попадания в этот мир я увидел очертание его материков. Точнее, материка. Возможно, на планете был еще один континент, но местные обитатели о нем не знали. А тот, что был известен, напоминал перекошенную на правый бок грушу. Где-то посередине береговой линии восточного побережья находился крошечный, по крайней мере на карте, полуостров с городом Сатар. Чуть дальше в море пестрела россыпь островов Кронайского архипелага.

Почти всю правую половину материка, охватывая с обеих сторон крошечное княжество, занимала Империя Гадар. Верхнюю часть «груши» занимали хтарские степи, а нижнюю – морхская саванна. Левая часть материка на карте щетинилась схематическими изображениями крошечных деревьев и была залита сочным зеленым цветом, а черная надпись на зеленом сообщала, что это – Темный лес. Вот так просто – как в детской сказке.

Ну а между Темным лесом, степью, саванной и империей, в центре материка, было зажато пестрое одеяло человеческих государств, по размерам от королевств до крошечных, но независимых баронств. Виконт Вляо не был поклонником ни географии, ни истории, но даже он помнил, что эти королевства откололись от империи, когда человеческая экспансия захлебнулась и империя не смогла защитить своих западных территорий. А вот люди, жившие в этих самых западных территориях, почему-то не захотели умирать, даже преданные своими правителями. Сто лет эта земля поливалась кровью, как пшеничное поле

дождем в урожайный год, но люди выстояли, и когда империя «соизволила» вернуться обратно, они попросту послали ее подальше.

Что же касается самого княжества, то его история была довольно интересной. Эта информация задержалась в памяти виконта – родители позаботились, чтобы историю родного княжества он все же выучил.

Лучше бы позаботились о воспитании.

Когда-то давно – точной даты память Вляо не сохранила – один из островных царьков решил перебраться с Кронайского архипелага на континент, под крылышко империи. При этом он пообещал избавить морскую торговлю имперцев от назойливого внимания своих родственников-пиратов. Император с радостью согласился – он даровал царю землю, титул князя и отсыпал денежек на постройку эскадры. Через пятьдесят лет оставшиеся на островах пираты получили по зубам от своих же родственников и превратились в мирных рыбаков, а княжество – заимело кадровую базу для торгового и военного флота. Постепенно княжество, изначально обладавшее широкой автономией, получило полную независимость.

Конечно, после устранения пиратов у империи появилось желание окончательно подмять под себя слишком уж усилившееся и богатое государство. Но с резкими сатарцами и их родичами-кронайцами такие номера не работали – жители княжества быстро собрали вещички, сели на корабли и на двадцать лет парализовали всю морскую торговлю империи. Немного поломавшись, новый император осудил действия своего отца и вернул все назад. А сатарцы стали еще богаче, пограбив за эти годы не только караваны торговых судов, но и города на побережье.

В общем, на этом имеющиеся в памяти виконта исторические сведения о княжестве заканчивались. Вновь всплыли ассоциации с интернетом – информации много, но далеко не все на свете. Ведь всемирная паутина знает лишь то, что известно тем, кто выкладывает туда информацию, а это далеко не самые проинформированные люди на Земле.

– Вляо! – Попытку вывести меня из ступора я воспринял, наверное, с третьего захода.

– Да?

– Виконт, вы что, оглохли? – Граф был явно раздражен, а вот другие персонажи этой сцены выглядели заинтересованно.

Посмотрев в их сторону, я вдруг почувствовал, что мне не хватает воздуха. Виконт и раньше видел эту девушку, даже отметил, что она «ничего так», но, увидев ее собственными глазами, я вдруг осознал, что ноги – это не самая надежная подпорка.

Княгиня Лара Сатарская была потрясающе красива. Пепельные волосы, поднятые в высокую прическу,ставляли на всеобщее обозрение белоснежную длинную шею. Плечи по местной моде были открыты, и нежно-розовое платье практически полностью пряталось под заваленным ворохом бумаг столом, оставляя на виду слишком много бархатистой, чуть загорелой кожи для моего бедного разума. Именно разума: несмотря на весь протест тела, которое не желало воспринимать женщину как предмет восхищения, моя душа замерла в немом восторге. Княгиня была совершенна – серые глаза и тонкие черты требовали немедленного воплощения на холсте, но самым восхитительным было то, что глаза выдавали живой ум и незлобивую натуру. И эти глаза смотрели прямо на меня, а любопытство в них начало сменяться удивлением.

Идиот! Подбери слюни, ты же сейчас в роли голубого!

– Что случилось, виконт?

А какой голос! Блин!!!

– Я восхищен интерьером, а ваше платье выше всяких похвал. – Наконец-то я сумел побороть смятение души – по-другому это назвать не получается – и хоть что-то сказать.

Губы княгини тронула слегка брезгливая улыбка, и все опять стало на свои места.

Точно – каждый должен знать свой шесток.

– Итак, виконт, граф говорит, что у вас есть важная информация, касающаяся вашего дяди.

– Да, ваше сиятельство, – чуть поклонился я. – Барон Немеш хочет взорвать ваш дворец с помощью магического артефакта, за которым он послал меня к некоему Кривому Оклу.

Выпалив все это единым духом, я застыл, вглядываясь в серые озера ее глаз, с опаской наблюдая, как в них всплывают холодные искорки льда.

– Граф, и это, по-вашему, доказательство?

– Вы мне не верите? – Губы старика обиженно дернулись. Странно было видеть подобное выражение на лице наводящего ужас Кровавого Моржа.

– Я уже никому не верю. А если бы поверила, скажем, словам того же Немеша, то должна была бы четвертовать вас как убийцу-психопата, создавшего подпольную организацию фанатиков и терроризирующего все княжество. – Увидев, как дернулся граф, Лара добавила: – Но ему я верю еще меньше.

Гвиери глубоко вздохнул и несколько секунд постоял с закрытыми глазами, а затем вновь посмотрел на княгиню с абсолютным спокойствием на лице – граф еще тот интриган и просто так его не проймешь.

– Хорошо, зайдем с другой стороны. Вы можете не верить мне, и тем более Вляю, но тогда скажите, для чего во время разгара собственного дня рождения Немеш собирает узкий круг высших дворян княжества в глубине своего дворца, а не, скажем, в центральной столовой, на виду у всех?

– Это тоже информация от Вляю? – недоверчиво спросил Лара, и это почему-то меня задело.

– Да, к тому же подтвержденная прислугой из дома барона. И что самое главное – все это вы можете проверить лично.

– Хорошо, я поеду на праздник, хотя ввиду вашей с бароном склоки не хотела этого делать. Там мы все и узнаем.

– Вы позволите мне взять своих людей и провести арест?

– На каком основании, граф?!

– Это заговорщики! – Гвиери явно начал терять терпение.

– Нет, мы пойдем туда вместе и просто спросим, а уже после этого, если на то будет основание, начнем аресты. Ими займется стража, а не ваша тайная организация. Заметьте, я согласна проверить ваши слова, потому что помню вашу дружбу с отцом и все, что вы сделали для княжества. – Княгиня решительным жестом остановила рвущуюся из графа реплику. – А теперь мне хотелось бы обсудить странную смерть графа Отторо. Виконт, я очень рада познакомиться с вами лично.

Я отупел от восхищения еще не окончательно, поэтому сообразил, что меня в изысканной форме выставляют из кабинета.

– Для меня огромная радость служить вам, ваша светлость, – поклонился я максимально глубоко и покинул кабинет, сдерживая желание сделать это спиной вперед. Здесь до такого еще не докатились.

За время моего отсутствия в приемной ничто не изменилось – секретарь копался в бумагах, а Яна разыгрывала из себя провинциальную дурочку. В этой ситуации мне оставалось только присесть рядом с ней.

– Как там? – шепотом осведомилась хтарка.

– Не очень, – также шепотом ответил я, изображая из себя вторую часть скульптурной композиции. Все в комнате старались делать как можно меньше движений, и казалось, что время застыло.

Рывком раскрывшаяся дверь словно расколола хрустальную неподвижность. В приемной появилась вся троица – княгиня явно направлялась по своим делам, а капитан привычно сопровождал ее, стараясь не нависать. Теперь скрывавшаяся во время нашего знакомства за рабочим столом Лара встала во весь свой невысокий рост – рядом с двумя могучими мужчинами она казалась вовсе крошечной, лишь ненамного выше миниатюрной Яны.

Мы моментально вскочили, и княгиня, отреагировав на движение, посмотрела на хтарку.

– Граф?

– Ваше сиятельство, это моя дальняя родственница. Я хотел бы просить вас о разрешении представить ее свету. Скажем, на ближайшем рауте.

– Хтарка? – еще раз односложно спросила Лара.

– Некоторая часть моих родственников служит империи на северной границе.

– Что ж, – равнодушно пожала плечами княгиня. – Я не против. Надеюсь, наш двор не испортит бедную девочку.

Ага, бедную – наша Яна сама кого хочешь испортит, да так, что не всякий лекарь возьмется исправлять.

Хтарка изобразила смущение и присела в глубоком реверансе.

Лара благосклонно, но скупно улыбнулась и в сопровождении капитана вышла из приемной.

Граф остался в комнате, благодушное выражение сползло с его лица, и он хмуро посмотрел на нашу колоритную парочку. Гвиери хотел что-то сказать, но, покосившись на секретаря, просто кивнул в сторону выхода. Яна вновь набросила на меня плащ, поправила капюшон, и мы пустились в обратный путь, который почему-то оказался намного короче того, каким пришли сюда. Возможно, потому что в этот раз проводником служил сам граф.

Скучающие гвардейцы у заднего хода во дворец еще раз ощупали нас своими цепкими взглядами, явно недоумевая, чего это Кровавый Морж повадился таскать во дворец девиц, – плащ-то на мне был женский, да и без него Вляо не мог претендовать на звание мужчины.

Блин, если этот дурдом затянется, я не только заболею гомофобией во всех последующих «реинкарнациях», но и, не выдержав, просто перережу виконту

горло. А если учитывать, что это самое горло в данный момент и мое тоже, – налицо явно суицидальные мысли. Так и до психушки недалеко.

Граф заговорил лишь в карете:

– Яна, вы с Карном сопровождаете Вана до вечера.

Хтарка покладисто склонила голову, и тут я решил, что пора заканчивать с ролью безвольной марионетки:

– А может, вы позволите мне осмотреть город?

Яна посмотрела на меня как на самоубийцу, а граф как на заговорившую лошадь.

– Нет, – даже не задумавшись, ответил он, и этот ответ меня не устроил.

– Ваша милость, если вы хотите получить от меня максимальную пользу, а не тупое выполнение поставленных приказов, стоит предоставить мне хоть немного комфорта и видимость свободы. И кстати, этому телу уже хочется есть.

– Подобные вопросы решайте с Яной.

– В таком случае она запрет меня в подвале и накормит тюремной кашей. Я не отмычка, которую до дела можно держать в футляре. Вы сами говорили, что моя инициатива может быть полезной. Сделайте хорошо мне – и вам тоже будет хорошо. – Я постарался, чтобы моя улыбка не получилась похабной, а последние слова не приобрели двойственного смысла.

Похоже, получилось плохо, но граф не рассвирепел, а улыбнулся, на секунду выпадая из образа Кровавого Моржа. Все-таки умный он мужик.

– Хорошо, Яна, выгуляй нашего джинна, но не засветитесь.

Хтарка наградила меня злым взглядом, но перечить не стала:

– Слушаюсь, ваша милость.

Вернувшись по Золотой улице обратно к северным воротам квартала Царей, мы вновь оказались у дома виконта.

Внутри почти ничто не изменилось, только исчезли тела прислуги и по дому деловито прохаживалось несколько молодых людей в довольно фривольных нарядах, но в этой одежде они выглядели нелепо – организация графа явно пыталась наработать опыт в конспирации, но, судя по результатам, находилась в самом начале пути.

Граф укатил на карете, а я остался в компании недовольной Яны и такого же «радостного» морячка.

Хтарка едва ли не пинками погнала меня в гардеробную виконта и быстро переодела, а вот затем я на несколько минут выпал в осадок. Яна не мудрствуя лукаво просто сбросила с себя свое белое платье, оставаясь только в чулках. Смееу заметить, что до нижнего белья этот мир еще не додумался. Ни в малейшей степени не смущаясь присутствия соляного столба, в который я превратился, она начала облачаться в одежду виконта. Через несколько минут передо мной стоял слегка полноватый смуглый юноша, умудрившийся как-то спрятать фундаментальную грудь под изобилующим бантами нарядом. Я, конечно, видел, как она перематывала себя полосами ткани, – кстати, то еще зрелище – и выравнивала разницу объемов накладками на живот, но все равно результат противоречил известным мне законам физики.

Закончив переодевание, Яна озорно улыбнулась:

– Что, понравилось? Или?..

– Или.

– Увы, – с издевательским сожалением вздохнула девушка, – эта красота не для тебя.

Женский сарказм всегда влиял на меня отрезвляюще, поэтому я вырвался из страны фантазий в реальный мир.

– Если бы ты знала, сколько раз я слышал эту фразу от женщин, позже все-таки согревавших мне постель, то так же, как и я, начала бы относиться к ней с пониманием.

Хтарка показала в оскале свои ровные зубки, словно подтверждая «туше». Затем она вздохнула уже непритворно, села возле зеркала и начала уродовать себя в буквальном смысле этого слова.

Кричащий макияж окончательно превратил ее в юношу не совсем традиционной ориентации.

Как ни странно, Карн вполне вписался в нашу компанию – его недовольная и брезгливая гримаса подходила к образу приставленного к мальчику телохранителя, которого активно охмурял виконт Вляо. Если честно, то «Вляо» с удовольствием приударил бы за той, кто прячется под этим образом. Вот только Яна была циником, как и я, и если что-то и толкнет нас друг к другу, то уж точно не любовь. А вот подружиться с этой неординарной девушкой было бы неплохо.

– Куда поедем? – тут же приступил я к налаживанию контактов.

– Не знаю, – почему-то растерялась она. И похоже, я догадывался почему.

– Что у нас с финансами?

Взгляд хтарки перенаправил мой вопрос к Карну, а тот наградил меня кривой улыбкой:

– Можем покататься по городу в коляске виконта и пожрать в недорогом кабаке.

Не назову себя великим физиономистом, но по мелькнувшей на лице Яны тени я понял, что граф не балует своих лучших агентов серьезными средствами. Кстати, зря.

– Яна, есть место, куда бы ты хотела пойти отдохнуть?

Сначала хтарка закрылась, но вдруг ее независимый и бойцовский образ дал трещину.

– «Хрустальное Сердце», – с вызовом и какой-то потаенной надеждой заявила девушка.

Карн издевательски заржал.

Ну ладно, юмористы!

Мы уже успели спуститься на первый этаж, поэтому мне пришлось быстро вернуться в кабинет виконта. Предварительно я состроил кислую физиономию, давая понять, что у меня внезапные проблемы с желудком.

Судя по изменениям в обстановке, люди графа все здесь основательно вычистили, но в моей «одолженной» памяти хранилась интересная информация. Проводившие обыск агенты не стали ничего ломать и тем более отдирать от стен матерчатые обои – и зря. Жалеть местный интерьер мне уже не было никакого смысла, поэтому часть обоев возле двери с треском порвалась, обнажая стену и маленький тайник в ней.

В тайнике содержались четыре «бриллиантовых империала» – самые дорогие денежные знаки империи. Эта вещь больше напоминала драгоценное украшение, чем монету: в толстую «шайбу» из золота были вставлены пять небольших бриллиантов. Эта штука приравнивалась к сорока обычным золотым империалам.

Хорошо, что мои конвоиры поленились подняться наверх, впрочем, в их присутствии я бы не стал потрошить этот тайник.

Заглянув по пути в местный образчик сантехнической мысли, кстати довольно неплохой, я быстро сбежал к поджидающим меня и уже недовольным спутникам.

– Ты что-то забыл? – осведомилась Яна, но промелькнувшая искорка в ее глазах говорила, что она заподозрила подвох.

– Нет, оставил кое-что лишнее.

– Что? – тут же напрягся Карн.

– Завтрак виконта.

Яна засмеялась, Карн разозлился.

Новые и насквозь фальшивые слуги виконта подогнали открытый экипаж.

Карн сел на место кучера, а мы с Яной расположились на мягком сиденье.

По моей просьбе Карн – довольно ловко для моряка – повел наше транспортное средство по круговой дороге квартала Царей. Я специально выбрал этот маршрут. Увиденное мною по пути в княжеский дворец слишком удручало – попытка выпятить свое богатство в Золотом Городе выглядела безвкусно, а вот маленькие и очень аккуратные домики, в том числе и обиталище виконта, откровенно радовали глаз. Сверкавшие золотыми искорками белые стены домов под оранжевой черепицей выглядели великолепно, а похожие на каштаны деревья с пепельной корой и светло-зелеными листьями дополняли композицию. Еще одной особенностью внешнего круга квартала Царей были кусты белых роз – в общем, как говорил один киношный царь: «Лепота!»

Пока я наслаждался видами, Яна начала нетерпеливо ерзать на сиденье, и я решил больше не мучить ее напрасными ожиданиями.

– Карн, давай-ка на площадь Дельфина, – попросил я моряка, возможно чуть перегнув с повелительными нотками в голосе.

– С чего бы это? – как ужаленный, развернулся кронаец на кучерском месте.

– Заглянем в «Хрустальное Сердце».

– Денег нет, – отрезал моряк и упрямо нахмурил брови.

– А мы и не будем там обжираться, выпьем по чашечке курибы – и назад.

– На эту хрень тоже не хватит, а если бы и хватило, все равно с такими пустяками туда не пустят.

– Интересно, откуда тебе известны порядки в подобных заведениях, а, Карн?

– Слышал, – отрубил кронаец с подозрительно знатным именем, но как-то неубедительно.

– Впрочем, не столь важно, я наскреб по старой одежде немного серебра. На две чашки хватит, – небрежно отмахнулся я, и память виконта тут же напомнила о тонком аромате и прекрасном вкусе похожего на кофе напитка. К этому подключились воспоминания о построенном из хрусталя дворце. Воспоминания были просто информацией, не передающей всех красот здания, и мне тут же захотелось увидеть все собственными глазами.

Волшебную мечту чуть не разрушил въедливый моряк – в его глазах загорелся нездоровый огонек желания произвести личный обыск подозреваемого.

– Карн, хватит, – тут же вмешалась Яна, которая наверняка лелеяла в душе те же предвкушения, что и я. – Граф сказал выгулять его, о том, что нам нельзя в «Сердце», разговора не было.

Спорить с хтаркой, в глазах которой появился блеск под названием «хочу», не смог бы даже самый отчаянный морской волк.

«Хрустальное Сердце» немного разочаровало – по сути, это была большая хрустальная, а точнее, стеклянная люстра. Белокаменный каркас там, где нужно и где не нужно, прошивали нити огромных стеклянных гирлянд. В общем, ничего сверхъестественного.

На входе нас встречал швейцар в ливрее. Его взгляд на нашу троицу говорил о многом, но выставить не совсем желанных гостей он не рискнул. А вот повеселить меня все же смог. Вообще-то на этот нюанс я рассчитывал изначально.

– Ваши милости, «Хрустальное Сердце» радо приветствовать вас, прошу пройти к распорядителю, а вашего слугу мы проводим в комнату отдыха.

– Что! – взревел Карн, но быстро опомнился. – Я не слуга, а телохранитель.

– О, не беспокойтесь, вашему хозяину здесь ничто не угрожает, – тут же заверил швейцар, хотя его взгляд говорил, что самая большая угроза смуглому юноше находится рядом с ним. О том, что Карн может оказаться моим телохранителем, он даже не подумал.

– Карн, иди, – нарочито грубым голосом сказала хтарка, и моряк, на прощанье скрипнув зубами, удалился в указанном швейцаром направлении.

– Он тебя приберет, – тихо прошептала мне Яна, пока мы шли к столику распорядителя. – Зачем ты отшил его? Не поверю, что это случайно.

– Чтобы не мешал нам развлекаться.

– Ни соблазнить, ни купить меня тебе не удастся, – жестко посмотрела мне в глаза девушка, приостанавливаясь на пороге заведения.

– Даже не собирался делать ни того, ни другого, – ответил я ей прямым взглядом. – Ни тебе, ни мне проблемы не нужны. Просто люблю доставлять удовольствие красивым женщинам и знаю кучу способов, кроме интимных, тем более когда позволяют средства.

Похоже, я убедил упрямую хтарку или она сама себя убедила, но уже через секунду ее глаза загорелись в предвкушении.

Распорядитель привстал с вычурного стульчика перед изящным столиком, встречая новых дорогих гостей, но по его лицу можно было определить, что гости не такие уж дорогие.

Ну что ж, это мы исправим с легкостью.

С ходу швырнув на стол два бриллиантовых империала, я с удовольствием увидел, как вытянулось лицо этого павлина, облаченного в серебристый фрак с тисненными цветами.

– Это для начала, любезнейший, а дальше посмотрим, сможет ли нас заинтересовать ваше заведение.

– Да, конечно, – выпал из ступора распорядитель, причем намного раньше Яны. Все-таки опыт – великая вещь.

Что ж, в заведении было довольно мило. Очень богато, но без пошлости. Терраса ресторана поднималась к потолку сплошной спиралью, обрамляя высокую сцену, на которой медленно кружилась троица девушек в чем-то воздушном и прозрачном. И вокруг все было заполнено тысячами хрустальных гирлянд, которые позванивали от малейшего движения воздуха.

Небольшой столик на двоих, расположенный где-то посреди спиральной террасы, принял очередных гостей, и рядом тут же возник официант в таком же, как у распорядителя, камзоле, но без цветов. Как я и предполагал, меню здесь не было, так что широкий жест, направленный в сторону дамы, был вполне уместен.

Яна сверкнула глазами и, уловив подбадривающий взгляд, выпалила одним духом:

– Фаршированных тарнов, гребешков в дорайском вине, две, нет, три порции мороженого и чашечку курибы.

Она заказала бы еще чего-нибудь эдакого, но, похоже, умная девочка понимала, что всего на свете не съесть.

– К мороженому сироп из ягод сарка или снежной смородины?

По расширившимся зрачкам девушки я понял, что она забыла о еще одной гастрономической мечте. Или двух?

– В одну порцию – двойного сиропа, во вторую – смородины, а в третью – стружки кинамы, – выдохнула Яна, с трудом вспоминая, что нужно говорить мальчишеским голосом.

– Не знаю, есть ли на кухне кинама, но уверен, в случае отсутствия задержка на доставку будет не более десяти минут, – отрапортовал официант и повернулся ко мне.

А вот тут была загвоздка – на вкусы виконта мне было плевать, так что его память была мне плохим помощником.

– Давайте чего-нибудь мясного и салат. Все на усмотрение мастера, – вспомнил я, как здесь называют шеф-поваров. – А на десерт мороженое со стружкой и курибу.

Все оказалось очень вкусно, но я, хоть и обладал задатками гурмана, явно не получил такого удовольствия, как хтарка: она буквально млела над каждым блюдом. Для меня же местный мастер кухонных дел расстарался вовсю, и мясные кусочки «чего-то там» просто таяли на полпути к желудку. Кстати, «чудесная» кинама оказалась кокосом.

Когда мы допивали хоть и прекрасный, но все же привычный для меня кофе, явился чем-то обеспокоенный распорядитель. Еще до того как он открыл рот, я понял, что он расстроен нашим скромным аппетитом, а давать сдачу до смерти не хотелось.

– Желаете еще чего-нибудь?

– А у вас есть что предложить?

– Возможно, «водопад»?

Память тут же выдала информацию о местной достопримечательности и о том, что за развлечения там обычно происходят. Стало немного противно, но уже казалось бы подернутые поволокой удовлетворения глаза Яны тут же засверкали с новой силой, и я не смог устоять.

– Давайте попробуем. Нам нужно доплатить?

– Что вы, того, что есть, вполне хватит.

– Что ж, тогда позаботьтесь, чтобы нам не мешали, – небрежно швырнул я на стол еще один бриллиантовый империял и, увидев опасения Яны, добавил: – Также доставьте нам мужской плащ с глубоким капюшоном.

Доведенный до экстаза распорядитель повел нас через небольшой коридор в комплекс комнат, все стены которых покрывала падающая вниз вода.

Я с детства был любителем аквапарков, потом мое увлечение перешло на спа-комплексы, благо работа в большой компании это позволяла, поэтому средневековый аналог аквапарка впечатления на меня не произвел. А вот Яна смотрела на стекающие по белым с золотистыми искорками стенам каскады воды широко раскрытыми глазами ребенка. Возможно, именно так я сам реагировал на первую водную горку в своей жизни.

Двух массажистов пришлось выпроводить, иначе хтарка не сможет залезть в воду, а жаль. Впрочем, насколько мне было известно, в хтарских степях искусство массажа было достаточно развито, так что для Яны это не новость.

Девушка, едва дождавшись ухода массажистов, выскользнула из одежды, как змея из своей кожи, и, пройдя сквозь сверкающую водную завесу, нырнула в круглый бассейн, а я последовал за ней. По поверхности воды тут же расплылась наша косметика, но уже через несколько секунд цветные пятна ушли куда-то вниз, и бассейн вновь стал кристально чистым.

Зря я поторопился со снисходительной реакцией – такого мне еще ни разу в жизни не приходилось ни видеть, ни чувствовать. Если смотреть изнутри, то казалось, что находишься внутри огромного водного пузыря: вода выходила из центра куполообразного потолка и стекала по изогнутым стенам в бурлящий бассейн. Ощущения от соприкосновения с водой были необычайно мягкими, а от ароматов в голове становилось пусто и легко. Одно из двух – либо здесь присутствовала запретная магия, либо какой-то наркотик.

Пузырящиеся по периметру бассейна зоны «джакузи» окончательно добили Яну, и она растворилась в блаженной неге. Хтарка расслабилась настолько, что на очередном кругу «дрейфа» подплыла ко мне и поцеловала, долго и чувственно. Мне, конечно, понравилось, но тело виконта никак не отреагировало на подобный пассаж, что позволило сохранить выдержку и мягко отстранить хтарку, запуская ее в дальнейшее «плавание».

Интересная ситуация – Яна одуряюще красива, и в той, земной жизни такой поцелуй вмиг отключил бы мне мозги, включив кое-что другое. Конечно, все можно объяснить пристрастиями виконта, но ведь при виде Лары я не ощущал проблем с желанием. Похоже, правы те, кто считает, что любовь – это стремление души, а страсть – чистая химия тела и к высоким чувствам не имеет ни милейшего отношения.

Мои размышления прервал какой-то внутренний звоночек, и я, оставив Яну «растворяться» в воде, пошел сквозь водный полог. И в «предбаннике», и в комнате отдыха было пусто – распорядитель добросовестно отрабатывал свои чаевые. На столе перед диваном посреди комнаты обнаружился однотонный синий плащ с большим капюшоном и маленький колокольчик, в который я и позвонил. В дверях тут же показался один из массажистов.

– Сколько осталось до заката? – вспомнил я местную традицию отмерять время.

– Меньше одного удара колокола, – поклонившись, ответил массажист.

– Свободен.

Слуга мгновенно испарился. Я подобрал со стола плащ и вернулся в предбанник, на полу которого лежала наша одежда.

Яну из бассейна пришлось буквально вылавливать. Вытерлась и оделась она без посторонней помощи, хотя по-прежнему была слегка не в себе. Укутав девушку в плащ, я вывел ее из «спа-комплекса». Рядом тут же материализовался распорядитель.

– Может, провести вас к черному выходу, чтобы не заметил его телохранитель? – кивнул распорядитель на укутанную в плащ Яну.

– Не стоит. Хотя, – задумался я, – проведите. И сообщите телохранителю: пусть подаст туда экипаж.

Конечно, хотелось дать в морду этому холую, который наверняка не раз способствовал очень грязным делишкам, но было как-то лень, да и скандал перед операцией по захвату барона очень не понравится графу.

Карн буквально дымился от злости, но все же сумел сдержать себя до момента, когда мы отъехали подальше.

– Что вы, каракатица вас задери, делали там так долго?! – Вопрос был задан хтарке, но она лишь вяло отмахнулась, что вызвало еще одну волну гнева.

– Что с ней?! – Кронаец потянулся за ножом.

– Карн, успокойся. Мы просто отдохнули. – Почуввав опасность, хтарка мгновенно пришла в себя, как и полагается нормальному бойцу, а не разнеженной даме. – Да, немного задержались, но ничего страшного не случилось. Давай отвезем Вана в дом виконта, а сами поедem за графом. Только не задавай глупых вопросов – ответов все равно не получишь.

Моряк как-то слишком быстро успокоился, пожал плечами и с силой хлестнул ни в чем не повинную лошадь.

Оставив меня в особняке виконта на попечении переодетой «прислуги», они укатили в неведомом направлении. То, что рядом не было приближенных графа, никоим образом не отразилось на плотности контроля, – попытку спуститься на первый этаж пресек нелепо накрашенный слуга с недружелюбным выражением лица, а взгляд из окна выявил под крепостной стеной на противоположной стороне улочки торговца «чем-то там». На лице «торговца» отображалась такая же гримаса, как и у «слуги».

К счастью, долго скучать мне не пришлось. Как только солнце нырнуло за горизонт, а на далекой башне в городе ударил колокол, возвещающий о начале первого часа после заката, явился граф со своей «свитой». Выглядели они очень колоритно – камзол графа по-прежнему был серебряно-черных цветов, но значительно богаче повседневного, Яна блистала в красном платье, а Лован и Карн принарядились в ливреи с гербом графа. И если центурион не выказывал никаких эмоций, то моряк явно страдал в непривычной одежде.

Потешаться над ним в таком состоянии было небезопасно, поэтому я старательно спрятал улыбку.

Смешней всего выглядел Урген, который появился вслед за представителями местного КГБ. Ливрея на профессоре выглядела еще нелепее, чем седло на

корове. Я позволил себе улыбнуться, что отнюдь не вызвало обиды – ученый лишь печально вздохнул.

Граф хмуро посмотрел на меня и, прочитав в моем взгляде, что «мне по барабану, что вы скажете, но больше я так делать не буду», воздержался от нотаций. Скорей всего, он уже высказал все, что думает, Яне и проворонившему тайник с деньгами агенту.

Все собрались вокруг стола, на который тут же легла схема какого-то поместья с квадратиком дома посередине, и граф начал инструктаж:

– Итак, мы с вами отправляемся на день рождения барона Немеша. Задача Вана – попасть на собрание заговорщиков. Мы же должны вовремя среагировать и добраться до приспешников барона до того, как они разбегутся. Дело осложняется тем, что княгиня решила лично разоблачить заговорщиков, к тому же она не хочет огласки, и стражники появятся только после доказательства вины этих уродов. Светить своих людей я не могу. Поэтому вы, – повернулся он к центуриону, – обезвредите внешнюю охрану за оградой поместья и при малейшей тревоге входите внутрь. Теперь вопрос: как определить, где именно будет проводиться собрание? Профессор, вы сможете отследить положение Вана?

– Конечно, но пока мы пройдем по дому вдоль луча связи камня с духом, пройдет немало времени, – преодолевая робость, отрапортовал ученый.

В комнате воцарилась тяжелая тишина – все молча уставились на план поместья. Я последовал примеру большинства, и тут мне в голову пришла простая мысль.

– А что с планом самого дома?

Граф посмотрел на Лована, и центурион развернул на столе еще один рулон с поэтажным планом трех уровней баронского «логова».

– И что это нам дает? – требовательно спросил граф.

– Триангуляция.

– Что? – напрягся, услышав новое слово, Карн.

– Не суть важно, скажите – как вы определяете направление в море? – спросил я у моряка, потому что память виконта подобной информации не содержала.

– Указателем, – с гордостью за свой народ заявил кронаец и достал из кармана нечто напоминающее большие карманные часы.

Крышка с изображением морского конька откинулась, открывая всеобщему обозрению обычный компас.

– Прекрасно, – обрадовался я, отобрал у напрягшегося моряка его игрушку и положил рядом с планом дома. – Смотрите, Урген становится за оградой, скажем, вот здесь – и смотрит вдоль линии связи с камнем, сверяясь с показаниями компаса, то есть «указателя». Проводим на плане линию. Потом перемещаемся в другое место и таким же образом проводим вторую. На пересечении и будет комната с заговорщиками. Ну а этаж можно определить приблизительно.

Граф наградил меня одобрительным взглядом.

– Хорошо, так и поступим. Когда попадешь в комнату собраний, постарайся не выделяться и запомнить всех, кто там будет. Но, если они вздумают разбежаться или что-то заподозрят, бери любой стул и бросай в окно. Я не позволю этому клубку змей расползтись по норам, что бы там ни говорила княгиня.

Дальше все завертелось с сумасшедшей скоростью. Яна молниеносно передела меня и «загримировала», успев шепотом поблагодарить то ли за отдых, то ли за то, что не воспользовался ее слабостью. Ну а потом стало не до посторонних мыслей. Операция под кодовым названием «Виконт Вляо в тылу врага» началась.

В Сатаре было принято являться на рауты и приемы на закате, а мы явились почти под второй послезакатный колокол. Точнее, под колокол явился я, а граф с «племянницей» прибыли немного раньше.

Открытый экипаж с наименее мужественным из перекрашенных слуг на козлах подкатил к самому крыльцу, похрустывая оранжевым гравием подъездной дорожки. Большой трехэтажный дом барона сверкал тысячами огней и благородной белизной стен. Из открытых окон доносилась музыка и гомон толпы.

Отпустив коляску, я с любопытством прошел через большие входные двери, а затем через холл и дальше между двумя дугowymi лестницами. Короткий коридор выходил в большой бальный зал. Сразу определить, на каком уровне находится местная цивилизация, было невозможно – ни огнестрельное оружие, ни паровые машины на глаза пока не попадались, да и не «вспоминались», – но развлекались в этом мире с размахом французского «короля-солнце», только без жутких париков и копноподобных платьев. Единственное, что по-прежнему резало взор, – это колготы на некоторой части мужиков. Впрочем, кто бы воротил морду – на самом-то такое же безобразие.

Рассмотреть подробнее всю компанию, в которой навскидку набралось около двух сотен человек обоих полов, я не успел – в мою сторону как бронепоезд неся виновник торжества.

– Спешу поздравить вас, дядюшка...

– Заткнись, – злобным шипением оборвал меня барон и жестко ухватил под локоть. – Ты почему опоздал? И откуда у тебя, сволочь, деньги на «Хрустальное Сердце»?

– Спокойно, дядя, – оглядываясь вокруг, прошептал я, но, поняв по реакции барона, что выпадаю из образа, добавил похабную улыбку: – Скоро на меня свалится богатство – так к чему мелочиться?

По дернувшейся щеке и выпученным глазам родственника я понял, что окончательно провалил операцию и с заговорщиками меня знакомить не будут. Даже испугался, что барон заподозрит подмену, хотя это вряд ли. За время пребывания в теле Вляо удалось заметить, что мозг не только сам подбирает слова незнакомого мне языка, но и манеру, в которой они произносятся, а также походку и жесты. Так что выглядел я как «не Вляо», только когда старался контролировать слова и поведение, но делал это лишь в присутствии команды графа, если, конечно, не хотел побесить Карна замашками виконта. Так что с

этой стороны все должно быть чисто.

Покраснев от ярости, барон потащил мою разрисованную тушку в небольшую дверь, где в более интимной обстановке дал волю чувствам.

– Не будет у тебя, щенок, ни власти, ни богатства!

Ну что ж, терять мне все равно нечего.

– Тогда у вас, дядюшка, не будет второй половины артефакта.

– Деньги по-прежнему у меня.

– Вот и прилепите это золото к своей половине бомбы – посмотрим, что получится.

Наверное, со стороны мы напоминали торговков на базаре. Если барон знает о взрыве в катакомбах и смерти Окла, то операции конец.

– Я сам договорюсь с бандитами, – прорычал барон.

Не знает!

– Конечно, если найдете посредника. Окл зарезал вашего мошенника, а меня он знает в лицо, о вашем же существовании, дядюшка, Кривой даже не догадывается.

– Сволочь!

– Зато очень полезная сволочь! – вернул я ему такой же злой взгляд.

– Ладно, твоя взяла. Бери деньги и отправляйся за артефактом.

– Сначала вы познакомьте меня с остальными, как обещали.

Барон думал долго, минут пять, но потом все же принял решение и шагнул в сторону выхода в бальный зал.

– Хорошо, но мы еще вернемся к разговору о твоей наглости.

– Дядюшка, это от страха, – покаянно закатил я глаза, стараясь выглядеть максимально невинно. Еще не хватало, чтобы он прирезал меня прямо в этой каморке.

Через зал мы шествовали, как два любящих друг друга родственников. Я улыбался во весь рот, но безрезультатно – что представляет собой виконт Вляо, здесь знали все без исключения, поэтому ничего, кроме презрения, в ответ на мою улыбку не последовало.

Всем была известна моя персона, а вот личность Яны здесь вызывала интригу. Некоторые разряженные в пух и прах молодые дворяне с интересом посматривали на смуглую красавицу, робко жавшуюся к своему «дяде». Но готов поспорить: если кому-то из этих хлыщей и удастся познакомиться с очаровательной хтаркой поближе, они будут жалеть об этом до старости, конечно, если она у них будет.

Граф тоже пользовался популярностью – он вернул себе благосклонность княгини, которая находилась тут же, рядом с Гвиери. Высокопоставленные особы не смотрели на нас с бароном, а вот Яна словно почувствовала мой мысленный посыл. Короткий обмен взглядом – и девушка уже что-то робко шепчет графу на ухо. Со стороны это выглядело, словно она просится в туалет. Все вокруг снисходительно заулыбались.

Чем закончилась эта пантомима, я не увидел, потому что скрылся за очередной дверью.

Местом для собрания заговорщиков стала большая столовая всего в нескольких комнатах от балльного зала.

Да уж, прав был граф – барон окончательно потерял страх.

За длинным столом сидели восемь человек. Пятерых виконт знал – это были местные дворяне, а вот личности еще троих оказались неизвестны. Таинственная троица сидела у ближнего к двери края стола, и взгляды этой компании мне решительно не нравились.

Барон прошествовал к дальнему концу стола, где было установлено похожее на трон кресло, и встал перед ним в позе великого оратора. Помня приказ, я не стал выпячиваться и тихонько присел на стульчик у камина, поближе к окну.

– Друзья! – пафосно заявил барон.

Блин, еще скажи «товарищи», революционер недоделанный.

– Мы на пороге новой эпохи! Править в княжестве должны те, кто достоин этого, – не менее вычурно продолжил Немеш. Похоже, мой мысленный посыл до него не дошел.

Впрочем, закончить свою речь барону не удалось. Входная дверь распахнулась, и в нее как белоснежный вихрь ворвалась княгиня.

Красиво-то как! Блин! Соберись, шпиен, твою мать! Но что-то они быстро. Неужели Урген оказался гением триангулирования?

– В чем дело, ваше сиятельство? – не нашел что другого сказать барон.

– Вы так внезапно пропали, барон. Похоже, эта компания милей вашему сердцу, чем наша. Может, скажете, какую интересную тему вы здесь обсуждаете? Возможно, и мы к вам присоединимся.

Барон покраснел от натуги, и я забеспокоился, не сорвется ли он, начав бунт прямо сейчас, – ведь рядом с правительницей находились лишь граф и капитан. Еще здесь присутствовала Яна – наверняка под тем предлогом, что ее не с кем оставить, – но заговорщики явно не воспринимали нежную девушку как угрозу. А зря. В очередной раз осмотрев хтарку, я так и не понял, где она прячет оружие. Ну не под пышными же юбками!

Насчет барона я боялся напрасно – он не проявил агрессии: просто не успел. Все три незнакомца рывком скользнули в сторону княгини. Капитан тут же закрыл собой маленькое тело правительницы, но, судя по тому, как двигались нападавшие, шансов у него было мало. И тут случилось то, чего не ожидал никто из присутствующих, конечно, кроме меня и графа.

Яна сделала изящный шаг в сторону, изогнулась в каком-то странном танцевальном па и, с треском распахнув красный веер, трижды взмахнула им. Все это происходило в постоянном движении, и не залюбоваться своеобразным «фламенко» хтарки было невозможно. Двое из нападавших рухнули на пол сразу – в глазнице одного торчало пушистое красное перо, точно такое же «выросло» из горла у второго, теперь уже трупа. Третий агрессор получил «перо» в плечо и все же попытался достать княгиню длинным выпадом короткого меча, но его удар капитан принял на свою шпагу.

Несмотря на ранение, убийца сумел отбить две атаки капитана, а уже затем упал на пол с пробитым сердцем, так что, учитывая шустрость нападавших, вмешательство «танцовщицы» было очень своевременным.

Я не стал равнодушно наблюдать за этой сценой – мало ли что взбредет в голову загнанным в угол крысам, – поэтому без лишних затей подхватил стульчик, на котором до этого восседал, и запустил его в полет к большому окну.

Осколки еще не успели долететь до пола, а в двери и окна комнаты ворвались люди в ливреях Кровавого Моржа.

Шах и мат!

Из оставшейся в живых шестерки заговорщиков дернулись только двое, и тех быстро положили на пол, для убедительности пнув пару раз ногами. Дядя виконта застыл на месте, не зная, на кого потратить всю ненависть своего взгляда, – на меня или на княгиню. И все же решил «испепелить» гневным взглядом Лару, но меня это уже не волновало: в голове зашумело, а все тело одолела какая-то слабость, и я тихонечко сполз по стенке на пол. Никто из власть имущих не заметил проблем предателя, а вот Яна быстро подбежала и, присев рядом, обеспокоенно заглянула в глаза.

– Ван, что с тобой?

– Да что-то поплохело. Как вы так быстро меня нашли?

– Это все княгиня, она почти сразу ринулась за бароном, заглядывая в каждую комнату. Так что твоя ангуляция не понадобилась.

– Триангуляция, – автоматически выдавил я из себя и тут же почувствовал, как где-то в глубине мозга словно лопнули цепи.

Виконт оказался намного хитрее мошенника. Он все это время ждал своего шанса. Его душа за время плена явно окончательно повредилась в рассудке и напала на мою сущность как безумный зверь. Похоже, слово «душевнобольные» – идеально подходит для сумасшедших, нежели определение «болезнь мозга».

Вляю я ощущал как мерзкого спрута, вцепившегося в мою душу и старающегося липкими щупальцами проникнуть в самую ее суть. Его ненависть оглушала и лишала сил. В чем-то мне были понятны эти эмоции, но желание спасти свою душу намного сильнее сострадания. И я ударил его своей злостью и страхом, но было уже поздно. Виконт стремительно захватил отнятое у него тело, и в моей власти остался только взгляд. Мне стало очень страшно. Непередаваемо.

Бедная Яна не знала, что делать, а я не мог подсказать. Счет шел на секунды. Я посмотрел девушке в глаза, стараясь передать все свое отчаяние, а затем перевел взгляд на веер. К счастью, хтарка уродилась умной девочкой. Решительно сжав губы, она выдернула из порядочно ошипанного веера алое перо. Стальное жало не меньше двадцати сантиметров длиной хищно блеснуло в ее ладонке. Яна пристально посмотрела мне в глаза и подбадривающе подарила светлую и чудесную улыбку.

Как там говорят: «Из рук твоих и смерть как подарок».

Самого удара я не почувствовал, потому что тело мне уже не принадлежало. Мир вокруг потемнел и провалился во мрак. Последней моей мыслью в теле виконта было серьезное опасение – кошмары извращенца нестандартной ориентации могут напугать и очень храбрых мужчин. Особенно мужчин.

Первая же картинка «каменного» сна подтвердила нехорошие предчувствия – большая спальня с кроватью-полигоном и я, привязанный к этой кровати за руки и ноги. Даже голову какая-то сволочь примотала так, что ею нельзя было пошевелить.

Вот попал!

Не успел я осмыслить происходящее, как почувствовал, что за изголовьем кровати кто-то есть.

Блин, и убить себя не получится – это ведь сон! Пугало еще одно: если такие кошмары начались сразу, то что будет позже, особенно если «каменный сон» затянется?!

Незнакомцы наконец-то шагнули вперед – в поле зрения вступили две фигуры в черных плащах с капюшонами.

Они что, какие-то сектанты?!

Резким движением мои потенциальные мучители сбросили плащи, и...

И как это понимать?

Передо мной, связанным и совершенно голым, стояла такая же «неодетая» княгиня Лара и еще какая-то девушка, тоже далеко не уродка. Меня кольнула догадка – так вот чего боялся виконт Вляо: быть изнасилованным красивыми женщинами. Ну-ну.

В общем, кошмар начался очень занятно. Если бы то, что творилось дальше, записать на видео, то рейтинги были бы сумасшедшими. Немного смущала развратность Лары, но я постоянно напоминал себе, что это сон, дабы не омрачать светлого образа в моей душе.

«Камень душ», конечно, внес свои коррективы, и постепенно поведение девушек начало отклоняться в сторону более жесткой версии постельных игр. Не скажу, что мне совсем не понравилось, но я уже начал опасаться дальнейшего развития событий.

К счастью, когда напарница Лары достала шипованный хлыст, а меж ее губ блеснули клыки, сон схлопнулся как мыльный пузырь и меня куда-то унесло.

Глава 3

Пират

Вновь потолок, теперь уже без «небесных» мотивов. Такой «правильный» потолок нормальной комнаты – ровный слой белой штукатурки, по периметру обрамленный золотистой полосой, а посередине красивая, не очень вычурная хрустальная люстра, в которую гармонично вмонтирован десяток спиртовых ламп. Лампы не работали, потому что хватало света из окна, который и освещал все вокруг, в том числе мое новое тело.

А вот это уже интересно.

Мой взгляд пробежался по голому торсу и ногам, старясь не акцентировать внимания на определенных деталях. Я осторожно прислушался к собственным ощущениям – вроде нормально. Похоже, не осталось от виконта ничего «этакого».

Так, нужно срочно посмотреть, что мне досталось.

Я рывком вскочил на ноги – тело слушалось превосходно – и уже без удивления заметил пентаграмму на полу. Кроме пакующего свои вещи Ургена в комнате находился только Карн. По кривой улыбке моряка можно было понять, что мой вид ему не нравится. Следовательно, понравится мне, и все обошлось без пошлых подвохов. В комнате, помимо нескольких столиков и диванчиков, находились два больших зеркала, завешенных темной тканью, – похоже, это инициатива профессора. Шлепая по паркету босыми ногами, я подошел к зеркалу и сдернул ткань.

Офонареть!!! Мечта всех задохликов и ботаников!

Из зеркала на меня смотрел кронаец, но, в отличие от Карна, этот островитянин был высок, смугл и хорошо сложен.

– Карн, как тебе? – спросил я у моряка, вставая в позу культуриста.

– Да пошел ты, – недовольно проворчал Карн и отмахнулся. – Хоть бы прикрылся.

Я опустил глаза. В принципе стесняться нечего, но Карн прав. Поэтому закрывавшая зеркала ткань превратилась в подобие шотландского килта, а я продолжил знакомство с новым телом.

На шее, груди, руках и даже на ногах загорелого пирата ветвились строчки тех же непонятных символов – явно работа профессора. Татуировок было значительно больше, чем у виконта, так что нужно спросить Ургена, чего он там понапридумывал нового.

Интересно то, что, кроме художеств ученого, на теле моряка не было других рисунков, да и память Эдгара Омара говорила, что в этом мире морские традиции сильно отличались от земных.

В принципе волшебная «живопись» не портила общей картины, даже придавала телу пирата особый шарм. Черные, теперь уже мои, волосы были зачесаны назад и завязаны в короткий хвост. Традиционные бакенбарды подбриты острыми клинышками в испанском стиле, а не так у Карна, по-английски пышно. Еще в комплект входили нос с горбинкой и голубые глаза – в общем, смерть всем красавицам. Внезапно в голове помутилось, и память пирата ударила меня целым ворохом информации.

Твою же мать!

Действительно смерть красавицам, и не только смерть, а и кое-что похуже. Праздник жизни омрачился жестокой реальностью – Эдгар Омар был капитаном небольшой шхуны и отпрыском царского рода Омар, который так и не смог встать на дорогу честных моряков и втихаря занимался пиратством. Но не это было самым неприятным – жгучий красавец Эдгар имел еще одну статью дохода. Он занимался тем, что охмурял в портовых городах империи красивых девушек, уговаривал их вместе бежать к безоблачному счастью, а потом продавал либо хтарским ханам, либо эмирам из городов на северном побережье

континента.

Смотреть в зеркало перехотелось. Даже интерес в глазах вошедшей в комнату Яны в наряде служанки не доставлял никакого удовольствия.

Приступ отторжения от тела повлек за собой атаку души пирата. Мое раздражение вылилось в ментальный удар, и Эдгар убрался куда-то в глубь мозга.

Оказывается, я еще и так могу. Хоть что-то хорошее.

Яна принесла с собой стандартную одежду кронайского капитана, лишь немногим отличавшуюся от наряда Карна и костюма начальника охраны княгини. Исключением были яркие, можно сказать, кричащие цвета – эдакий морской цыган.

Видя мое раздражение, хтарка не стала участвовать в процессе одевания и лишь подняла брови, словно спрашивая, в чем дело. В ответ я недовольно сморщился и неопределенно пожал плечами – мне и самому до конца не были понятны причины поднявшегося раздражения.

Немного нервная, но вялая обстановка в комнате была моментально развеяна появлением графа и Лована. Он не пригласил всех присаживаться, что означало непредвиденную и очень острую ситуацию.

– Так, на разговоры у нас слишком мало времени. Поэтому буду краток. В принципе можно было обойтись одним Ваном, но, чтобы не повторяться, слушайте все. Сутки назад во дворец княгини прибыл капитан Эдгар из рода Омар. Не знаю, что там произошло, но Джайме начал собирать отряд гвардии, а баронесса Имма пакует вещи княгини. Я попытался влезть с вопросами, но был отправлен восвояси. Настаивать не стал – это все равно не помогло бы, к тому же Лара обещала подумать о легализации нашей организации, поэтому злить ее сейчас чревато. Посему оставалось одно – пообщаться с Омаром. На пытку я не решился: захват и так прошел с трудностями. Этот стервец пил и ел только свое. Но все же не смог отказаться от ванны и массажа, а наша милая хтарка знает множество способов успокаивать слишком горячих мужчин. Исходя из сложности ситуации, появилась необходимость привлечь к делу нашего джинна, – закончив речь, граф уставился на меня, явно ожидая информации.

И я, покопавшись в памяти пирата, выдал все, что удалось вспомнить:

– Царь Омар захватил брата княгини и требует от нее неких привилегий, подтвержденных лично. А что, у княгини есть брат? – удивился я, потому что капитан таких вещей не знал, а память местных обитателей была уже недоступна.

– Есть, зовут Калан. Кстати, такой же «оригинал», как и виконт. Вот такая у нас случилась болячка среди молодежи. На непутевого отпрыска рода Вляо можно наплевать, а вот брат княгини – слишком заметная личность. Его тайно увезли в поместье на границе империи, – отмахнулся граф. – Мне нужно знать – каких привилегий требует эта старая акула Омар?

– Понятия не имею. Меня, то есть Эдгара, выдернули со шхуны прямо по приходе в порт Омара. Сунули в руки послание и с напутственным пинком отправили в сторону княжества. О похищении я узнал, когда княгиня прочитала письмо.

– Что должно произойти дальше?

– Царь приказал Эдгару доставить княгиню с отрядом не более десяти воинов на имперское побережье. Пойдем на лошадях по имперскому тракту на север – там нас будут ждать. Это все, что мне известно. Если по пути или в момент переговоров вблизи появится хоть один воин княжества помимо десяти оговоренных, брат княгини умрет.

– Сволочь! Клянусь, я выжгу это осиное гнездо дотла! – Граф утратил остатки самообладания и начал метаться по комнате, явно пытаясь найти выход из ситуации.

А я решил покопаться в памяти капитана в поисках полезной информации. Там, среди всего прочего, нашлось и объяснение частому упоминанию слова «Омар».

Кронайский архипелаг насчитывал более сотни островов различной величины, и на каждом из них правил целый морской царь. И остров, и род царя носили одинаковое имя. В данном случае – Омар. Этот остров был самым северным в архипелаге и находился у берегов хтарской степи. Именно удаленность от княжества позволяла омарцам втихую заниматься пиратством и работоторговлей.

За остальными царьками княжеский флот следил очень внимательно. Кстати, на юго-западе от Золотого Города находился остров Сатар – средних размеров клочок суши, в свое время бывший вотчиной царей Сатар. Там до сих пор находилась военная база княжества, которая, в случае чего, могла дать приют опальным князьям. Причем приют надежный – флот княгини насчитывал около пятидесяти кораблей плюс около двадцати боевых фрегатов таких лордов, как граф Гвиери. Так что спорить с княжеством было себе дороже. Интересно, на что рассчитывал отец Эдгара, престарелый царь Ене Омар? Вся эта затея выглядела форменным самоубийством.

Пока я размышлял, граф немного успокоился и вновь повернулся к нашей компании.

– Так, в любом случае переигрывать ситуацию уже поздно. Лара согласилась, и я не стану с ней спорить. Ван, и дальше будешь играть роль пирата, а в нужный момент выбросишь золотую фишку, – сказал граф, используя термин из местной игры, похожей на наш покер. Сузив глаза, он пристально посмотрел на меня, явно желая что-то добавить. Но нужды в этом не было.

– Граф, не нужно угроз. Мне нравится Лара – и пару минут назад очень разонравились Омары. Поэтому я сделаю все, что нужно.

– Хорошо, Ван, – с ноткой облегчения кивнул Гвиери.

– Но, может быть, стоит все-таки попробовать отговорить княгиню? Ведь это глупо – так рисковать, – высказалась Яна.

– Не получится, – вздохнул граф. – Я хорошо знаю эту девочку. Мало того что она унаследовала авантюрный характер своего папочки, в последнее время ей не хватает приключений, и в такую возможность она уцепилась, как краб. Это видно по глазам. Говорил же ее отцу, что слишком большие вольности для ребенка рано или поздно выйдут боком.

Граф безнадежно махнул рукой, и в этот момент он даже стал похож на заботливого дедушку. Но момент слабости длился не больше минуты.

– Так, заканчиваем бессмысленные разговоры. Ван, среди того, что наш профессор прикупил у черных копателей, есть одна интересная штука.

Называется, если не путаю, «гром забвения». – Граф сделал приглашающий жест, и Урген достал из своей сумки маленький кулон, сплетенной из золотой проволоки.

– Этот артефакт на несколько минут лишает сознания всех, кто находится в радиусе пятидесяти метров, – тут же влез с разъяснениями профессор.

– Вы проверяли? – не доверяя теоретикам, усомнился я.

– Нет, это единственный экземпляр, но в «Наследстве Тьмы» Турака Мудрого есть подробные разъяснения. Если не хотите, не используйте! – внезапно разозлился ученый.

Да уж, нервы у профессора ни к черту. Скоро он сорвется, и граф перережет его квелую шейку, а я останусь в камне наедине с кошмаром очередного носителя.

– Простите, профессор, мне просто хотелось уточнить, как он работает и не вырубят ли меня вместе с остальными.

– Артефакт нужно раскусить. Заклинание войдет в резонанс с телом, и вы останетесь в сознании, – проворчал Урген, но все же добавил: – По крайней мере, так говорится в трактате.

– Ради всех святых, не нужно лишний раз поминать запрещенные книги, – строго сказал граф. – Есть чего добавить некрамольного?

– Нет, – затряс головой ученый.

– Один нюанс, – поднял я руку. – Профессор, в этот раз вы нанесли значительно больше заклинаний – это что-то дает?

– Да, – оживился Урген после «наезда» графа. – Теперь заклинания могут удерживать душу бывшего владельца тела приблизительно неделю.

– Не буду уточнять, насколько приблизительно, но хотелось бы узнать, каковы шансы увеличить срок еще больше, если, скажем, зататуировать меня с ног до головы.

– Боюсь, неделя – это уже максимум, но в трактате...

– Профессор, достаточно, – вновь приструнил ученого граф, и все же мне почудилось, что он оборвал его не из суеверности, а чтобы не позволить выболтать мне важную информацию. – Времени не осталось вообще, поэтому начинаем готовиться. Ван с княгиней выезжают через час, а мы отправимся чуть позже. Карн, ты пойдешь на «Веселой Устрице», и не смей дразнить капитана, а то я рассержусь.

– Мне и в голову... – истово, но очень неубедительно ударил себя в грудь крепыш.

– Замолчи, – обозначил граф степень своего доверия к покладистости моряка. – После ухода из города отряда княгини я загляну к адмиралу и «очень попрошу» отправить за «Устрицей» четыре фрегата. Мы же поедем за Ларой посуху.

– А может, сразу на корабли – они ведь все равно пойдут на Омар? – осторожно предложил явно недолюбливающий сушу моряк.

– Нет, боюсь, до моря Лара может и не добраться. Пойдешь вдоль берега, а я буду отправлять гонцов на береговые вышки.

Разбуженная словами графа память пирата напомнила, что еще сто лет назад с разрешения императора княжество разместило на всем побережье империи вышки для наблюдения за морем. Вышки обменивались информацией друг с другом и проходящими кораблями с помощью световой связи. Именно благодаря этому стратегическому решению княжеский флот контролировал имперские воды и являлся гарантом безопасности на всем побережье.

– Так не будем задерживаться, сюда в любой момент могут заглянуть люди княгини, – завершил совещание граф, и вся компания покинула комнату отдыха. Я последовал за ними и оказался в помещении, чем-то напоминавшем смесь ванной и массажного салона. Кушетка у стены была слишком высокой и наверняка являлась массажным столом. Даже смутно вспомнилось, как Яна делала Эдгару массаж и то, как разомлевший пират внезапно отключился.

Да уж, шаловливые ручки у хтарки. Интересно, как ей сошло с рук убийство виконта? Хотя, зная возможности графа, можно было не сомневаться, что дело тихо замяли.

Вся компания местных нелегальных безопасников нырнула в неприметную дверцу, а я направился к основному выходу.

В коридоре моего появления ждали два хмурых гвардейца. По их лицам было видно, что они предпочли бы прибить меня прямо сейчас и не переться бог знает куда, при этом рискуя жизнью любимой княгини.

Поселили пришлого пирата недалеко от того же черного входа, через который я попал во дворец правительницы в первый раз. С тех пор почти ничто не изменилось – все те же гвардейцы с алебардами и карета на подъездной дорожке, но были и кое-какие дополнения. С обеих сторон далеко не прогулочной кареты гарцевал десяток коней, явно приготовленных к далекому пути. Возле гужевых транспортных средств копались девять гвардейцев, сменивших свое цветастое обмундирование на кожаные наряды кронайского стиля. Конечно, сухопутные бойцы имели и дополнительный апгрейд в виде кольчуг и стальных шлемов. Кроме того, к седлам были прикреплены небольшие круглые щиты и кавалерийские мечи, чем-то напоминавшие палаши польских панцирных гусар. И это при том, что никто из бойцов не расстался с любимым оружием кронайцев – тяжелой шпагой.

Капитан Джайме Арат, внешне ничем не отличавшийся от своих бойцов, встретил меня у конвоя гвардейцев и проводил к карете, при этом не проронив ни единого слова. В его глазах горело то же желание, что и у бойцов конвоя, – зарезать меня прямо здесь, без особых изысков.

Капитан рывком открыл дверцу кареты, и я будто вновь провалился в сон виконта – внутри обитой материей цвета кофе с молоком экипажа сидели дамы из моих не совсем приличных видений. Княгиня с не очень-то скрываемым презрением осмотрела меня с ног до головы, а во взгляде ее компаньонки не было ничего, кроме страха. Если вспомнить слова графа – это, скорей всего, была баронесса Имма.

– Господин Омар, как видите, мы выполнили все условия. Или у вас есть возражения? – коротко осведомилась княгиня, явно желая свести неприятное

для нее общение к минимуму.

– Не возражение, а пожелание, даже скорее совет, – спокойно сказал я, рассматривая испуганную баронессу. Проклятое воображение никак не хотело замечать ее темно-зеленого платья, а показывало совсем другую картинку. – Оставьте вашу компаньонку дома.

– Это условие есть в приказе вашего отца? – с уже нескрываемым презрением осведомилась Лара.

– Нет, но в дороге с нами может случиться все что угодно. И если вы приняли решение рисковать сами (а для капитана и его людей отдать за вас жизнь – это дело чести), то ваша спутница может пострадать, совершенно не желая того, притом бессмысленно.

– Она мне нужна, – уперлась княгиня с решительностью, достойной иного применения.

Несмотря на все мое восхищение Ларой, в глубине души вспыхнула злость. К тому же было жаль Имму – она хоть и не знала о своей роли в моих снах и теперешних симпатиях, но это ничего не меняло.

– Да уж, конечно, помощь в смене платья и макияжа очень важна и ради нее стоит получить кинжалом в живот или быть изнасилованной полусотней пиратов. – Выдав эту речь, я быстро отошел от кареты, чтобы не схлопотать по морде от взбешенного капитана, поэтому реакции Лары не увидел.

Простой метод исключения позволил определить предназначавшееся мне ездовое животное. Мой конь в принципе ничем не отличался от остальных, кроме того что в его снаряжении не хватало оружия. Ну и еще маленький нюанс – передо мной стоял жгуче-черный жеребец с явно дурным нравом. Похоже, ребята решили повеселиться – в местный юмористический фольклор даже входили истории о кронайских морях и их попытках ездить верхом.

Ну что ж, постараемся подпортить веселье этим юмористам.

Не скажу, что в прошлом я был крутым наездником, но кое-какой опыт все же имелся. В Краснодарском крае все еще живы казацкие традиции, и мне не раз приходилось разбираться с упрямыми лошадьми. Конечно, такого красавца я еще не встречал – в век машин породистые лошади уже давно стали большой редкостью.

– Ну что, Черныш, – прошептал я коню, подхватывая провисшую уздечку, – не нравлюсь я тебе? И напрасно. Ничего вкусного у меня нет, хотя...

Догадка оказалась верной – в притороченном к седлу вьюке находилась не только изрядная мера напоминавшего овес зерна, но и походные продукты. Недолгий поиск выявил матерчатый мешочек с морскими сухарями.

То, что нужно!

Новонареченный Черныш удивленно посмотрел на какого-то неправильного моряка, наверняка копируя взгляд окружавших меня гвардейцев, но все же схрумкал угощение, попутно попытавшись укусить меня за руку, – притча о неблагодарности в наглядной иллюстрации. Но на этот счет была еще одна хитрость: вертикально поставленная ладонь не давала возможности ухватить мои пальцы зубами. Конь сделал несколько попыток и немного успокоился.

Я заглянул в большие и умные, хоть и хитрые глаза:

– Ну что, будем дружить?

В ответ в лошадином взгляде почудилось нечто похожее на «посмотрим».

Ну а теперь последний штрих. Рывок – и я, едва воспользовавшись стремями, оказываюсь в седле. Тело пирата явно не имело необходимых рефлексов, но мои собственные навыки и привычка Омара удерживать равновесие в любых условиях сделали свое дело. Жесткий захват поводьев и уверенная посадка расставили приоритеты в наших с конем отношениях. Черныш для виду «пошалил», но все же это не дикий мустанг, а объезженная лошадь, поэтому мы «договорились».

Закончив «экспресс-объездку», я повернулся к остальным. Джайме от удивления даже немного растерял враждебность.

– Капитан Омар, вам приходилось путешествовать верхом?

– Капитан Арат, это долгая история, а времени у нас очень мало. – Я постарался улыбнуться максимально доброжелательно.

Джайме согласно кивнул и махнул рукой. Всадники быстро заняли свои места в колонне спереди и сзади кареты – и наконец-то мы тронулись в путь.

На гравийной дорожке взмахами белого платка нас провожала плачущая баронесса Имма – Лара все же была умной девочкой, хоть и упрямой.

Первая половина дневного перехода ничем особым не ознаменовалась. Мы с Джайме ехали в авангарде и не обременяли друг друга разговорами – как-никак враги. Поэтому я просто рассматривал окрестности. Пребывание в городе не давало особых знаний о «приютившем» меня мире – удалось только понять, что рисунок созвездий здесь совершенно другой и луна намного больше. Повторюсь, никаких «рисунков» на луне не было – просто серебристый диск с небольшими «оспинками» кратеров.

Исследование проплывающего мимо пейзажа не привело ни к каким великим открытиям. Похожие на обычные тополя деревья вдоль мощенной камнем дороги и такие же знакомые квадраты полей с копошащимися на них селянами. Если сравнивать с Землей, то все это напоминало Европу конца восемнадцатого века или, по крайней мере, то, как ее представляли художники и историки. В центре больших участков земли находились небольшие поместья – этакие мексиканские фазенды. Княжество всем своим видом словно говорило о том, что здесь умеют ценить и лелеять землю, несмотря на морское прошлое.

Все изменилось, когда наш караван достиг границы с империей. Княжество Сатар не было таким уж большим, и для того чтобы проехать его из конца в конец, хватало одного дня. А так как мы пересекали его в самом узком месте и на хорошей скорости, то к имперскому тракту выехали сразу после того, как солнце перевалило зенит, и потратили на это часов пять.

Впечатление от перехода границы было своеобразным. Казалось, будто какой-то волшебник содрал с реальности картинку цивилизованного мира, и мы попали в мрачную сказку. Лесные массивы сменялись плохо возделанными либо совершенно запущенными полями. Контраст с княжеством был огромен. Скорее всего, сказывалось обилие земли в империи и то, что сейчас мы в глубокой имперской... провинции.

На удивительно качественно построенном тракте мы провели еще около часа, и капитан, опасливо косясь на меня в ожидании подколов, отдал приказ остановиться на дневной отдых. Я конечно же не возражал – и мне, и Чернышу нужна передышка. Все-таки непривычное к седлу тело немного «помялось», да и я не был большим спецом в долгих конных походах – езду по ипподромному кругу скачками не назовешь.

Выбор места для дневки был не случаен – рядом с мощенной серым камнем дорогой в лесу была вырублена полянка с обустроенным бивуаком. Здесь имелись и коновязи из привязанных к деревьям жердей, и столы со скамейками из пеньков и грубо обтесанных брусьев, и каркасы под навесы, которые оставалось лишь накрыть попонами или тентом, получив в итоге надежное убежище от дождя. Я уже не говорю о таких мелочах, как обложенные камнем кострища. Всадники, включая меня, ослабили попоны лошадям и повесили им на головы торбы с зерном.

Двое гвардейцев очень быстро разожгли небольшой костерок и закиптали на нем какой-то напиток, который, разлив по большим жестяным кружкам, раздали остальным, демонстративно игнорируя мою персону.

Не больно-то хотелось. Хотя было немного обидно.

Мне ничего не оставалось, как быстро перекусить соленым сухарем, запив его водой из фляжки. Сухарями пришлось поделиться с Чернышом: хитрая животина, увидев лакомство, тут же прекратила хрустеть зерном и воззрилась на меня левым глазом, полным праведного негодования и обиды.

«Пообедав», я решил не мозолить глаза остальным и отошел дальше в лес. Словно по заказу, там обнаружилась небольшая полянка, а по пути я нашел в прошлогодней листве кривоватую палку необходимых размеров. Пришлось довольствоваться тем, что есть, – ведь никто не удосужился оставить мне

клинок Эдгара. Кстати, о чем-то подобном пират догадывался, поэтому фамильное оружие «забыл» на своем корабле.

Так, теперь посмотрим, что может это тело. Но для начала я решил попробовать тот прием, который едва не провалил в катакомбах под Сатаром. Небольшая палочка заменила шило, я встал прямо, а затем быстро развернулся, словно выворачиваясь из чужих рук, и завершил все это выпадом в сторону воображаемого противника. Получилось плохо. Попробовал дать волю телу – получилось еще хуже, но сама суть осталась: похоже, этот прием отобразился в памяти моей души. Звучит дико, но факт остается фактом.

Интересно: то, что мы называем душой, дублирует память тела или обладает своим собственным «архивом»?

Моя первая догадка подтвердилась уже через минуту – отпущенное на свободу, конечно в переносном смысле, тело выдало классическую «ката», или, как говорили в этом мире, боевой «танец» кронайских моряков. Затем я попробовал повторить все это, уже жестко управляя телом, и результат получился смехотворным. Третья попытка сочетала в себе и поверхностный контроль, и свободу рефлексов. Кое-что начало получаться – я задавал цель, а тело проводило вдолбленные в него с детства фехтовальные связки. «Волна» мягко разогнала корявый «клинок» до свиста, переводя его в защитную «сеть». Затем атакующая «чайка», сразу же оборонительный «утес», подкрепленный «рифом», и моментально контратака в «прибое». Заканчивая «танец», я понял, что уже не один.

– Как-то странно у вас получается, капитан. Вроде неплохо, но в то же время коряво.

– Это последствия неудачного падения головой на палубу. Вот, приходится восстанавливать форму.

– Не хотите учебный поединок? – предложил Джайме, и только после этих слов я увидел в его руках две аккуратно обструганные палки, по размерам подходившие для имитации морских шпаг.

В предложении капитана не было ничего пренебрежительного – боевым оружием тренируются только в книгах и фильмах. Даже такие безбашенные

самоубийцы, как самураи, использовали бамбуковые боккены. Возможно, французские мушкетеры и русские гусары поступали по-другому, но мне не очень-то верится – глупо рисковать в обычной тренировке, тем более жизнью своего товарища.

Капитан товарищем мне не был и явно хотел «отходить» меня палкой по всем дозволенным местам.

– Что ж, капитан, давайте попробуем.

Он не стал приглашать меня на основную поляну, но легче от этого не стало – через две минуты появились все гвардейцы, кроме одного, а через пять явился и последний в сопровождении Лары.

Вначале я путался в руках и ногах, жутко мешая рефлексам пиратского тела, но затем втянулся. Всем известно – ничто так не способствует учебному процессу, как пара лишних синяков. Не буду говорить, что это педагогично и что следует вернуть древний опыт порки в школах, но с эффективностью этого метода поспорить трудно.

Втянуться-то я втянулся, но это не значило, что начал побеждать. Под конец, с трудом пробив защиту соперника с помощью не очень-то изящного «краба», удалось провести «чайку» и достать капитана.

– Думаю, этого достаточно, – стараясь не показать сбившегося дыхания, сказал я.

– Действительно, нам пора в дорогу. Лошади уже отдохнули. – Капитана не смущало, что последнее слово осталось за мной. Весь бой наглядно показал, кто сильнее.

Ближе к вечеру лес стал реже, и показались большие вырубki. Только некоторые из них несли следы сельскохозяйственной деятельности, а остальные разрабатывались как источник древесины. Чаше встречались деревни и хутора. Мрачные мужики, выглядывающие из низеньких бревенчатых изб, мало походили на добропорядочных крестьян. Это наверняка были лесорубы – во все времена очень ушлые ребята. В сезон они рубили своими топорами деревья, а в остальное время проезжих купцов.

До большой, в полторы сотни дворов, деревни мы добрались еще задолго до заката, но так как дальше с жильем было совсем плохо, решили заночевать здесь. Посреди деревни возвышалось единственное двухэтажное здание с большим двором и длинной коновязью прямо у крыльца. Постоялый двор зазывал посетителей нехитрой рекламой – потускневшей от времени деревянной доской с изображением глиняной кружки и жареной птицы. Кружку венчала сероватая пена, а в птичку была воткнута вилка.

– Хорошо уже то, что они знают о существовании столовых приборов. Клопов никто не намалевал, поэтому можно надеяться на спокойный сон, – попытался я пошутить, но аудитория попалась неблагодарная, и лишь полные губы Лары тронула тень улыбки.

И то хлеб.

И на постоялом дворе, и в находящейся на первом этаже таверне народу не было. Скучающий хозяин так обрадовался гостям, что буквально стелился перед нами, а опознав княгиню, едва не умер от счастья, хотя она и не была его правительницей. Радость предприимчивого мужика была вполне объяснима: в летний период по этому тракту почти никто не ездил. Из центра империи в северные провинции все путешествовали другой дорогой, а эту использовали в основном купцы из княжества и прибрежных районов империи, и то лишь в период, когда зимние шторма делали невозможными морские перевозки. По этой же причине меню оказалось довольно скудным. Хозяин таверны обещал приготовить что-нибудь «благородное» в кратчайшие сроки, но княгиня решила не ждать и удалилась в свою комнату. Капитан отобрал четырех гвардейцев, которые должны были посменно охранять «покои» Лары, а остальным позволил выпить по кружке пива. Да и сам не отказался. Несмотря на косые взгляды, я подсел к ним за стол, заказав себе пива и жареного мяса.

Отбивную принесли так себе, но по крайней мере она была горячей и сытной. А вот пиво оказалось превосходным. Попросив себе копченой камбалы на закуску, я присосался ко второй кружке.

Сатарцы решили играть в молчанку, и я поддержал эту забаву. Первым не выдержал капитан Арат:

– Капитан Омар, зачем вам все это нужно? Неужели ваш отец не понимает, на что идет?

– Джайме, давай на ты, мы ведь не на совете капитанов.

– Давай, – неожиданно согласился сатарец, видно решив влезть ко мне в доверие и разговорить. – Так какого кракена вы все это затеяли?

– Не знаю, меня сдернули с корабля сразу после похода. Отец приказал сопровождать вас по тракту, а остальное вы и сами знаете, – ответил я, причем совершенно не лукавя.

– Ты хоть понимаешь, что это война?

– Да, понимаю, но обсуждать приказы царя, тем более отца, я не могу.

На некоторое время над столом повисла тягостная тишина. Гвардейцы, понимая неловкость момента, допили свое пиво и разошлись по комнатам, а мы с капитаном продолжали молчать.

Неожиданно я задумался совсем о другом – мне предстояла ночевка в чужом теле. А что будет делать скованная душа, пока моя спит? И вообще – что делает душа, когда мозг отключается? Урген ничего такого не говорил, да и, скорее всего, ничего не знал. Земные ученые по этому поводу своего мнения не имели, потому что вообще не верили в существования души.

– Ладно, Эдгар, давай делать каждый свою работу, а там посмотрим. Но не держи зла, если я тебя заколю, – незлобиво, но жестко сказал Джайме.

– Да какое там зло, – отмахнулся я, с грустью понимая, что капитан вряд ли выберется из этой передряги живым. Слишком уж закрученной получалась интрига.

Джайме молча встал и ушел в свою комнату, расположенную рядом с комнатой княгини.

Я еще некоторое время рассматривал местную таверну. Помещение постепенно начало наполняться местным контингентом: десятка полтора крестьян, несколько лесорубов и купец с парой приказчиков. Охранников я не увидел – это могло означать, что с разбойниками здесь негусто или же купец был жадиной. Память пирата в этом вопросе не помощница – его удел исключительно морской грабеж.

Во многих книгах говорилось, что средневековые кабаки – великолепное место для получения информации, и действительно через час и две кружки пива я узнал, что разбойников в эту пору почти нет – они ушли в центральные районы страны, к более оживленным трактам. Также поселяне много говорили о том, что в империи простому человеку живется не очень хорошо и было бы неплохо как-то перебраться в княжество, но там чужаков не принимают. Похоже, здесь была та же беда, что и в провинциях больших империй моего мира: удаленность от центра превращала помещиков в персон а-ля и царь, и бог, и воинский начальник. Они творили на своей земле все, что взбредет в их изнывающий от скуки мозг. А вот в княжестве правительница следила за всеми дворянами и, если было нужно, быстро приводила их в чувство. Вплоть до применения виселицы.

Немного послушав о плохих урожаях и ценах на пеньку, о распутных соседках и их тупых мужьях, а также тихие шепотки о странном пирате, в одиночестве потягивающем пиво, я решил, что пора и честь знать. Поэтому покинул эту теплую компанию и поднялся на второй этаж по слегка поскрипывающей лестнице.

Лестница выходила на этаж в середине коридора. Вторую справа от нее дверь охраняли двое гвардейцев, тут же одаривших меня хмурыми взглядами, в которых явно читалось предупреждение не подходить близко. К счастью, мне было в другую сторону.

Небольшой коридор освещали какие-то плошки, так что было темно, и свою крайнюю слева комнату я нашел с трудом.

Обстановка «гостиничного номера» поражала своей простотой – низенький топчан с травяным матрасом и небольшой столик с незажженной свечой в глиняной плошке. Весь интерьер здания немного удручал, особенно после сверкающей белизны столицы Сатара. Это было странное чувство, но, похоже, я уже начал скучать по Золотому Городу.

Впрочем, не такие уж мы баре – мне не оставалось ничего другого, как зажечь свечу от каганца в коридоре и завалиться на противно скрипнувший топчан.

Ну что ж, сейчас мы и узнаем, насколько все плохо.

Уставший за день мозг начал постепенно отключаться, отяжелевшие веки поползли вниз – и тут в груди разлился нестерпимый холод. Душа пирата рванула из своих пут, но, получив уже опробованный мною ментальный удар, отлетела обратно.

И что, теперь мне не спать всю неделю?

Устроившись так, чтобы телу было не очень удобно, я постарался удержать себя на границе дремы. Как ни странно, это удалось, и душа пирата своими постоянными атаками мне в этом даже помогала, не давая провалиться в глубокий сон. Будь он хитрее – все могло бы закончиться намного хуже. Для меня.

Не скажу, что я выспался: тело жутко ломило от неудобного положения, – но сонливости как таковой не было и мозг работал четко. В последнее время я начал склоняться к мысли, что душа – это что-то наподобие программы для мозга-компьютера, но со своим собственным, каким-то призрачным жестким диском.

Благодаря ночному «бдению» я встал раньше всех и, растолкав позевывающего трактирщика, получил на завтрак яичницу с беконом и чашку травяного чая. Конечно, это не ресторанные изыски из «Хрустального Сердца», но тоже очень даже неплохо.

Через полчаса появились хмурые, слегка помятые гвардейцы и капитан, а Лара изволила снизойти до нас только еще через час, когда я уже думал поторопить Джайме.

Княгиня сначала хотела отказаться от завтрака, но капитан заставил ее съесть булочку с маслом и запить это чашкой курибы, которую сам же и приготовил на кухне.

Он еще и кофе готовит?! А мне?

Заметив, что и гвардейцы, и капитан обошлись травяным чаем, я не стал «капризничать», хотя очень хотелось: сказывалась многолетняя привычка пить кофе по утрам.

В путь мы пустились вместе с солнцем, поднявшимся над голыми холмами с правой стороны от дороги. С левой стороны над нами нависла громада леса. Отдохнувший и подкрепившийся зерном с десертным сухариком Черныш бодро нес меня к новым приключениям, которые я воспринимал не иначе как неприятности. И совершенно обоснованно.

Через час езды на нас напали. Все произошло неожиданно и совершенно дико – за спиной послышался странный шум, я повернулся и увидел, как на землю падает гвардеец с арбалетным болтом в груди. В следующую секунду дала о себе знать выучка сатарских бойцов – я тупил значительно дольше. Гвардейцы моментально соскользнули со своих скакунов и рванули в сторону леса, прикрывшись щитами: одной кольчужки против арбалетов было маловато.

Еще через минуту стало понятно, что нас переиграли. Рванув Черныша за уздечку, я поскакал в сторону кареты, возле которой уже начинался бой. До контратаки гвардейцев в лес разномастно одетые и вооруженные чем попало бандиты прятались справа от дороги, накрывшись кусками дерна и травы.

Я направил Черныша на одного из разбойников, умный конь по своей инициативе не только толкнул его грудью, но и укусил. Соскользнув с седла, я выдернул шпагу из ножен мертвого гвардейца и резким выпадом отправил укушенного бандита на тот свет.

Мне удалось пристроиться возле правого переднего колеса кареты. Сразу стало ясно, что не все так плохо, – капитан и трое гвардейцев остались на месте, поэтому нам нужно было дожидаться возвращения атаковавшей лес троицы.

Десятка два голодранцев, вооруженных всяким металлоломом – от утыканной гвоздями дубины до кухонного ножа, – обхватили карету полукольцом и попеременно пытались атаковать оцетинившихся клинками гвардейцев. Эти танцы могли продолжаться до бесконечности – гвардейцы боялись оставить карету, а бандиты не рисковали нападать на профессиональных вояк слишком

активно.

Интересно, почему у гвардейцев нет арбалетов?

Так как мне не удалось разжиться щитом, пришлось играть активно – в обороне без дополнительной защиты было туго. Быстрая атака сквозь ряды мешающих друг другу бандитов – и, проткнув бородатого мужика с довольно ржавой саблей, я получил оперативное пространство. Теперь нападавшим пришлось играть на два фронта. Хотя какой там фронт – двух бандитов, вооруженных топором и коротким мечом, мне хватило выше крыши.

Отступив на два шага и проткнув на обратном ходе меченосца импровизированным «прибоем», я начал тупо бегать от здорового мужика с топором на длинном древке.

В этот момент через лавочку кучера перепрыгнул вернувшийся из леса гвардеец, а еще один обежал карету сзади. Капитан с помощниками тут же ринулись в атаку. Пятеро бандитов легли сразу, а мой «преследователь» зазевался от удивления и тут же получил от меня укол шпагой в гортань. Неаккуратно вышло – я «провалился» в ударе, а из раны ударила тугая струя крови, изрядно запачкав мне рукав рубашки и даже немного лицо. Как и в случае с мошенником, это убийство не вызвало во мне особых эмоций.

Пока я с горем пополам вытирал кровь, бой закончился. Из толпы бандитов в два-три десятка голов в живых остались человек пять, да и те скрылись в лесу. Единственный потенциальный «язык» немного побулькал пробитыми легкими, а затем и вовсе затих.

И что это, собственно говоря, было? Как такая кучка плохо вооруженных бомжей могла рискнуть напасть на сильный конвой?

С подобным вопросом ко мне обратился капитан.

– Вопрос не ко мне. Это ваши, сухопутные разбойники.

– Ну конечно, – язвительно сощурился капитан, – и это случайность, что они оказались здесь не в сезон и именно тогда, когда мы едем на переговоры?!

– Повторяю: вопрос не ко мне!

– Хватит! – поставила точку в нашем споре выглянувшая из кареты Лара. – Если он и виноват, то все равно не признается, а нам нужно что-то решать.

Да уж, действительно решать было нужно: из девяти гвардейцев уцелели только двое – трое погибли от арбалетных болтов, и еще четверо получили раны разной тяжести. Возник вопрос об отступлении, и поднял его, естественно, капитан. Но Лара решила по-другому.

Через полчаса раненые отправились обратно в карете, а княгиня легким перышком взлетела в седло. Теперь на ней был традиционный наряд кронайцев, только в женской интерпретации. И что самое удивительное, на переодевание капризная дворянка потратила не больше десяти минут – остальное ушло на уход за ранеными. Кстати, шпагу мне оставили, что не могло не радовать.

– Ваша светлость, мы сильно рискуем, – попытался еще раз образумить взбалмошную правительницу капитан, но по ее упрямо сжатым губам стало понятно, что Кровавый Морж прав – девочке захотелось приключений плюс врожденное упрямство.

Дальше мы отправились вшестером – один из раненых наотрез отказался покидать отряд, мотивируя это тем, что рубленая рана на правом бицепсе – «всего лишь простая царапина».

Следующие два часа мы ехали молча. Капитан окончательно обозлился на меня, полагая, что нападение лесных разбойников – это подлая уловка пиратов. Честно говоря, я подозревал, что он прав, и эта догадка подтвердилась, когда к полудню мы достигли очередного «бивуака у дороги». Уже на подъезде я заметил одинокую фигуру на тракте. Мои спутники напряглись и ухватились за оружие. Гвардейцы приготовили три трофейных арбалета, но я успокаивающе поднял руку, потому что узнал Вадала – родного брата Эдгара. Старший из трех сыновей царя Омара снисходительно улыбался, рассматривая потрепанный эскорт княгини.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/grigoriy-shargorodskiy/zabludshaya-dusha-pereselenec>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)